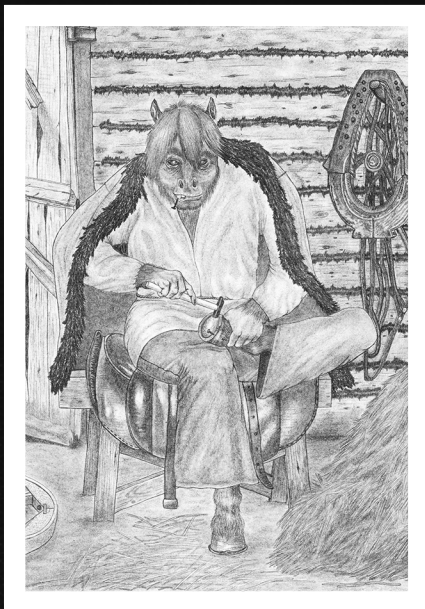

БЕЛОРУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ

Прибавления к
«Журналу Министерства народного просвещения»
1846, книги 1 и 3; 1852, книга 3

П.Древлянский
(Павел Михайлович Шпилевский)

Баган,	8 (I.6)	Лелю,	18 (I.16)
Белун,	9 (I.7)	(Леле, Люпо, Люпо)	
Бордзя,	70 (III.37)	Любмел,	45 (II.102)
		Лядашчик,	94 (III.61)
Вавкалака,	10 (I.8)	Ляля,	48 (II.105)
Вазила,	28 (II.85)		
Ваструха,	11 (I.9)	Марня,	50 (II.107)
		Меша,	52 (II.109)
Гарник,	73 (III.40)		
Гарицки,	30 (II.87)	Ныдзень,	95 (III.62)
Дзева,	12 (I.10)	Паветник,	96 (III.63)
Дзеволя,	31 (II.88)	Пагода,	18 (I.16)
Дзедка,	12 (I.10)	Падпечик,	98 (III.65)
		Паляндра,	53 (II.110)
Жежык,	74 (III.41)	Перун,	19 (I.17)
Жыж,	36 (II.93)		
Жыцень,	37 (II.94)	Разамара,	99 (III.66)
		Расамаха,	20 (I.18)
Злыдзень,	76 (III.43)	Русалки,	20 (I.18)
Зникча,	76 (III.43)		
Зорка,	14 (I.12)	Талака,	54 (II.111)
Зюзя,	39 (II.96)		
		Цеця,	63 (II.120)
Кадук,	41 (II.98)	Цмок,	24 (I.22)
Каляда,	15 (I.13)		
Кликун,	78 (III.45)	Чур-бог,	21 (I.19)
Клецник,	80 (III.47)		
Кляскун,	84 (III.51)	Шатывила,	309-310
Копша,	93 (III.60)		
Кумельган,	42 (II.99)	Щедрец,	288-290
Купало,	15 (I.13)		
		Яга-баба — касцяная-нага,	21 (I.19)
Ладю,	17 (I.15)	Яркун,	101 (III.68)
Лазавнк,	44 (II.101)	Ярыло,	22 (I.20)

Иллюстрация на обложке:
Валентин Дельвесто «Вазила», 2009

ПРЕБВЛЕНІЯ

КЪ

ЖУРНАЛУ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

НА 1846 ГОДЪ.

САНКТІПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1846

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ.

БѢЛОРУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ (*).

Предки наши, Русскіе Славяне, подобно другимъ древнимъ народамъ, имѣли мнимыя божества, которыми воздвигали кумиры и поклонялись. Такъ въ Соф. Временникѣ говорится: «и нача княжити Владиміръ въ Кіевѣ и постави кумиры на холму, въ града теремнаго: *Перуна*, древяна, а главу сребрану, а усь златъ; и *Харса*, и *Дажба*, и *Стриба*, и *Семаргла*, и *Мокошь*. Жряху имъ, нарицающе ихъ боги, провожаху сыны ѧ и дщеры, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю свою требамъ многими, и оскверниша кровми землю Русскую и холмъ той (2)». Безъ сомнѣнія, упомянутыя здѣсь божества были у

(1) Отрывокъ изъ сочиненія: «Словарь и Корнесловъ БѢлорусскаго нарѣчія».

(2) Соф. Времен. стр. 88.

Славянъ Русскихъ собственныя, коренныя—Славянскія; но Славяне принимали постепенно и чужихъ боговъ, такъ—какъ окружены были со всѣхъ сторонъ разными языческими народами: съ Сѣверозапада—Латышами, Прусаками, Ятвягами, Литовцами; съ Сѣверовостока—Финнами, съ Юговостока—Хазарами. Но какъ главнымъ сердцемъ Славянъ Русскихъ былъ Кіевъ и сопредѣльныя ему земли по Днѣпру, то и кумиры въ честь божествъ воздвигаемы были въ этихъ мѣстахъ: сюда собирались Славяне Русскіе для поклоненія божествамъ, для участвованія въ народныхъ празднествахъ, играхъ: отсюда выносили разныя сказки и пѣсни про дивныя дѣла своихъ божествъ, про силу ихъ и могущество. Такимъ образомъ, Южная часть нынѣшней Россіи была главнымъ мѣстомъ, гдѣ сохранялись преданія о божествахъ Славянъ Русскихъ, невидимыхъ духахъ, чудесныхъ силахъ ихъ и т. п. Безъ сомнѣнія, отсюда могли переходить эти преданія и въ дальнѣйшія земли Руси; но народныя вѣрованія въ настоящемъ видѣ ихъ могли сохраниться только въ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему мѣстахъ. Со введеніемъ Христіанской Вѣры въ землѣ Русскихъ Славянъ, идолы и капища въ ней были уничтожены; преданія же, хранившіяся въ народѣ, не могли уничтожиться. Христіанская Вѣра могла уничтожить вѣрованіе въ языческихъ боговъ; но устное преданіе не переставало сохранять въ народѣ воспоминанія о вѣрованіяхъ предковъ. Этому способствовало и то, что Христіанство не вдругъ утвердилось во всей Россіи, но постепенно: то есть, преданія находили себѣ опору въ языческихъ вѣрованіяхъ сосѣднихъ народовъ, и та-

кимъ образомъ Славяне Русскіе, будучи Христіанами, все-еще имѣли случай видѣть подобіе старинныхъ своихъ боговъ. Прошло нѣсколько вѣковъ послѣ утвержденія Христіанства въ Россіи, а преданія о богахъ, духахъ, таинственныхъ силахъ, вѣдмахъ и другихъ страшилищахъ не уничтожились, но съ теченіемъ времени только облекались въ поэтический вымыселъ и принимали живописный колоратъ въ устахъ рассказчика. Сколько перемѣнъ произошло въ Русскомъ народѣ со времени введенія Христіанства и распространенія просвѣщенія; сколько бѣдъ потерпѣла Русь отъ Монголовъ, Литовцевъ и другихъ народовъ; и не смотря на то, преданія о вѣрованіяхъ древнихъ Русскихъ Славянъ сохранились почти въ неповрежденности въ Русскомъ народѣ. Мы уже сказали, что въ Кіевѣ и вообще по Днѣпру, гдѣ находились идолы и капища древнихъ Русскихъ Славянъ, преданія объ нихъ съ особенною точностію сохранились т. е.: по рѣкамъ Припети, Сожѣ и, частью, по Западной Двинѣ, то есть, въ Губерніяхъ Минской, Могилевской, частью въ Кіевской, Витебской и частью въ Черниговской. Удивительно даже, что не только имена божествъ, но и самыя понятія, соединяемыя съ ними, и свойства, приписываемыя имъ предками нашими, совершенно согласны съ именами, понятіями и свойствами тѣхъ божествъ, о которыхъ сохранились преданія въ Бѣлоруссіи, какъ о мнимыхъ духахъ. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Бѣлорусскія Губерніи — Минская, Могилевская и Витебская. Въ простомъ народѣ Бѣлорусскихъ Губерній можно находить много обычаевъ, игръ,

обрядовъ, поговорокъ, которыя ведутъ свое начало отъ временъ язычества. Не лзя не удивляться, какъ могли сохраниться самыя пѣсни (многія) безъ всякаго измѣненія: трудно найти въ нихъ какую-нибудь перемѣну не только въ мысляхъ, но даже и въ словахъ. Любопытно, поэтому, сличить устные преданія Бѣлорусцевъ о различныхъ божествахъ, какъ о мнимыхъ духахъ и привидѣніяхъ, съ истыми вѣрованіемъ древнихъ Русскихъ Славянъ. Любопытство наше въ этомъ случаѣ тѣмъ легче удовлетворится безъ всякаго утомленія, что преданія Бѣлорусцевъ украшены поэтическими разсказами. Для этого и самыя разсказы представляются въ возможной связи и порядкѣ. Вотъ они :

1. Багáнь.

Багáнь, какой-то добрый духъ,—кажется, то же, что *Волось*, покровитель домашняго скота. По разсказамъ Бѣлорусцевъ, Багáнь, смотря по своему расположенію или непріязни къ какому-либо семьянину, или умножаетъ (*родзиць*, раждаетъ), или похищаетъ у него домашній скотъ: это они подтверждаютъ фактами. Слова *умножаетъ*, *похищаетъ* должно понимать такъ: *Багáнь* дѣлаетъ скотъ или плоднымъ или безплоднымъ; раждаетъ дѣтенышей скота или живыми, или мертвыми; оставляетъ самую родильницу послѣ родовъ или здоровою, или больною и даже мертвою. Такъ толкуютъ сами Бѣлорусцы. Замѣчательно также, что Бѣлорусцы отдѣляютъ въ хлевахъ скотскихъ особенное мѣсто съ особенными маленькими яслями

съ сѣномъ. Они дѣлають это въ слѣдствіе повѣрья, будто бы Баганъ поселяется, такъ сказать, въ хлевахъ скотовъ (разумеется, любимого имъ селянина), и охраняеть скотъ отъ разныхъ болѣзней и припадковъ. А главное, — будто Баганъ помогаетъ скотамъ при рожденіи. Конечно, сѣно въ хлевахъ, приготовленное для Багана, цѣло: Бѣлорусцы имъ кормять родильницу первую недѣлю послѣ родовъ, считая это сѣно какъ бы лекарствомъ. Впрочемъ, Баганъ не по всей Бѣлоруссіи извѣстенъ подъ этимъ именемъ, подъ которымъ преимущественно знаютъ его въ Минской Губерніи, въ Пинскомъ, Мозырскомъ и Слуцкомъ Уѣздахъ, и частью въ Губерніи Черниговской. Судя по разсказамъ Бѣлорусцевъ, онъ весьма сходенъ, или по крайней мѣрѣ соответствуетъ тому самому, о которомъ Г. Касторскій упоминаетъ въ своемъ «Начертаніи Славянской Мифологіи». (Гл. IV, стр. 37 — о Богѣ). *Поговорки*: *Баганъ задушилъ оцу* (Баганъ удушилъ оцу, т. е. овца околѣла отъ родовъ). *Баганъ паридзаетъ цела* (Баганъ далъ теленка); эту поговорку Бѣлорусцы употребляютъ при рожденіи дѣтеныша у скотины.

II. Бѣлунъ.

Бѣлунъ то же, что *Бѣдбогъ*, источникъ богатства и милосердія. Въ Бѣлоруссіи есть повѣрье, будто Бѣлунъ является заблудившимся въ лѣсу, и, молча, почти невидимо, выводитъ путниковъ на прямую и вѣрную дорогу; съ которой они сбились; будто онъ присутствуетъ на нивахъ во время

жаты и помогаетъ живцамъ устѣнное жать. Но всего чаще разсказываютъ Бѣлорусцы, какъ Бѣлунъ является бѣднякамъ въ жѣлѣ (во рѣдѣ) съ сумою денегъ на носу. Замѣтивъ бѣдняка—говоритъ—Бѣлунъ манитъ его къ себѣ рукою; потомъ, если бѣднякъ не рѣшается подойти, онъ самъ подходитъ къ нему и проситъ его утереть себѣ носъ. Если бѣднякъ послушается и утереть ему носъ (что всегда бываетъ, потому что Бѣлунъ является днемъ), то изъ сумы посыплются деньги, а Бѣлунъ исчезаетъ. Количество денегъ бываетъ смотря по тому, чѣмъ бѣднякъ утереть носъ *Бѣлуну*. Если утереть рукою, то денегъ высыплется изъ сумы столько, сколько можно забрать рукою; если же платкомъ, или шапкою, или полою *сѣнты* (верхней одежды Бѣлорусскаго мужика), то денегъ высыплется изъ сумы *Бѣлуну* столько, сколько можетъ помѣститься въ платкѣ, въ шапкѣ, или въ полѣ одежды. Бѣлорусцы представляютъ *Бѣлуну* старикомъ съ длинною, бѣлою, но не сѣдою бородою, въ бѣломъ саванѣ, съ бѣлымъ покрываломъ. *Повѣстка: Мусиць, заслабрылся гъ Бѣлуномъ* (Должно быть, подружился съ Бѣлуномъ, т. е. вѣрно, его посѣтило счастье). *Ціёмна у лѣсу безъ Бѣлуна* (Темно въ лѣсу безъ Бѣлуна, т. е. Бѣлунъ—проводникъ въ темномъ, глухомъ лѣсу).

III. Вавкалака.

Вавкалака—оборотень. Это не что иное, какъ чело-
вѣкъ, превращенный чародѣемъ или нечистою си-
лою въ волка. По мнѣнію Бѣлорусцевъ, злой духъ,

будучи недоволенъ кѣмъ-нибудь изъ людей, записавшихъ ему свою душу, обращаетъ его въ еолка и заставляетъ его рысать по домамъ своихъ родныхъ. Родные узнаютъ своего блазняка и кормятъ его. Состояніе *Васкалака* самое жалкое, невыносимое; онъ безпрестанно рыскаетъ по полю, какъ будто бѣшенный; всегда недоволенъ чѣмъ-то и безпрестанно востъ; впрочемъ, онъ не дѣлаетъ никому вреда, хотя и можетъ, по сообщенной ему силѣ. Власть производить (рѣбичъ) *Васкалакъ*, по словамъ Бѣлорусцевъ, принадлежитъ *чортѣ*, но она передается отъ него такъ-называемымъ *злѣхарямъ* (колдунамъ), въ силу которыхъ Бѣлорусцы очень вѣрятъ. Вѣроятно, это вѣрованіе перешло къ нашимъ предкамъ отъ самыхъ древнихъ временъ языческихъ. Этотъ *Васкалака* не то же ли, что Лусаон, о которомъ Овидій упоминаетъ въ своихъ *Превращеніяхъ* (См. Ovid. Metamorphoseon. Lib. I. vers. 230..... 240)? Толки о *Васкалакѣ* чрезвычайно разнообразны въ Бѣлоруссіи, такъ-что въ этомъ случаѣ очень умѣстна пословица Бѣлорусская: *што горадъ, то моравъ* (во всякомъ городѣ свой обычай). *Поворотки*: *Спрыкрые-ся, якъ Васкалака* (Надоѣлъ, наскучилъ, словно Вавкалака). *Бы Васкалака шпырыць* (Какъ-будто Вавкалака рыскаетъ, то есть, безпріютный).

IV. *Ваструха*.

Ваструха то же, что Астрея, богиня правды и цѣломудрія. О ней большею частію сохранилось повѣрье въ Могилевской Губерніи, въ Оршанскомъ и

Бабиновичскомъ Уѣздахъ, и частью въ Витебской Губерніи. *Поговорка*: *Бабышъ, якъ-бы Ваструха* (Ви-дишь, какъ-будто *Ваструха*, то есть, какъ-будто цѣломудренная, справедливая.

V. *Дзѣва*.

Дзѣва — верховное божество, заимствованное у Поляковъ. Бѣлорусцы клянутся этимъ божествомъ. Вотъ ихъ клятва: *Да-Дзѣвы*, то есть, да будетъ съ вами богиня—*Дзѣва*. Впрочемъ, вѣрованіе въ *Дзѣву* не у всѣхъ Бѣлорусцевъ господствуетъ.

VI. *Дзідка*.

Дзідка—что-то похожее на *Дажбога*,—подателя богатства. Бѣлорусцы вѣрятъ, что *Дзідка* ходитъ (днемъ) по дорогамъ съ сумою, какъ нищій, и, встрѣтившись съ какимъ-нибудь несчастнымъ или бѣднякомъ, наводитъ на него сонъ прежде, нежели тотъ успѣетъ замѣтить его. Если встрѣтившійся человѣкъ богатъ, но несчастенъ, то *Дзідка* представляетъ ему во снѣ такое видѣніе, которое или предсказываетъ избавленіе отъ несчастія, или указываетъ средства самому избавиться отъ него. Разумѣется, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во снѣ *Дзідка* представляетъ себя, такъ-что человѣкъ (Бѣлорусецъ) тотчасъ узнаетъ, что ему явился во снѣ *Дзідка*. Узнать *Дзідку*, по словамъ Бѣлорусцевъ, можно потому, что онъ всегда является съ красными огненными глазами и съ такою же бородою. Если же встрѣтившійся человѣкъ—бѣднякъ, то *Дзідка*, наведши на него

сонъ, тайно снабжаетъ его нужнымъ количествомъ денегъ. Этому же *Дзідку* Бѣлорусцы считаютъ хранителемъ кладовъ. Они вѣрятъ, и стараются подтвердить свое вѣрованіе множествомъ разсказовъ, будто *Дзідка* съ огненными глазами и бороною является имъ (вечеромъ, ночью и днемъ) на томъ мѣстѣ, гдѣ зарытъ какой-нибудь кладъ; является не весь, но одна только его голова; отъ того-то говорятъ огонѣкъ на кладахъ бываетъ какъ-бы на поверхности самой земли. Догадливые люди, говорятъ Бѣлорусцы, ничего не боясь, смѣло подходятъ къ этому огонѣчку, зная, что это показался изъ земли *Дзідка* съ *грошымі* (съ деньгами); подошедъ къ нему, нужно бросить на него какую-нибудь одежду. Знающій бросить, говорятъ, непременно шапку; а если нѣтъ съ нимъ шапки, то часть волосъ своихъ, вырванныхъ изъ головы. Незнающій же бросить что-нибудь другое. Но это не все равно. Если кто броситъ шапку или волосы, то кладъ не уйдетъ далеко, а останется почти на поверхности земли. Если же кто броситъ *свитку*, то кладъ въ три раза глубже уйдетъ; а если сапоги (или лапти), то кладъ такъ далеко уйдетъ отъ поверхности земли, что нужно будетъ цѣлый вѣкъ свой копать землю на томъ мѣстѣ, пока выкопаешь кладъ. Вообще, по понятію Бѣлорусцевъ, кладъ тѣмъ глубже уйдетъ, чѣмъ дальше отъ головы или ближе къ ногамъ та одежда, которую бросишь на огонѣкъ. За такія большія милости *Дзідки*, Бѣлорусцы приписываютъ ему названіе *Дзѣдавоу-Недзѣли* (недѣли Мясопустной); то есть, говорятъ, будто предки ихъ въ честь *Дзѣдки* установили эту недѣлю. *Поговорки: Кабѣ не*

Дзідка, прадэс (Бѣда, если-бъ не Дѣдка, то есть, Дѣдка помогы горю). *Дзідзя зарыць* (?) (Дѣдка горитъ). Эта поговорка очень-замѣчательна: ее употребляютъ Бѣлорусцы въ то время, когда малыя дѣти ихъ обнаруживаютъ страсть къ деньгамъ, и какъ бы съ жадностію хватаютъ попавшіяся деньги; этимъ они хотятъ охладить въ дѣтяхъ своихъ страсть къ деньгамъ: то есть, «не тронь, деньги горячи, ихъ трудно добыть».

VII. Зорка.

Зорка то же, что *Аврора*, — богиня счастья и судьбы. По понятію Бѣлорусцевъ, каждый человѣкъ имѣетъ свою особенную *Зорку*, которая, какъ духъ-хранитель, неотступно находится при своемъ избранномъ. Вѣрятъ, что *Зорки* сотворены вмѣстѣ съ человѣкомъ, и назначены Богомъ для охраненія людей. Впрочемъ, трудно угадать, кого Бѣлорусцы собственно разумѣютъ подъ *Зоркою*: дѣйствительно ли духа-хранителя или кого-либо другаго? Изъ того, что *Зорку* они называютъ богинею, а не духомъ, можно предполагать, что это какое-то второстепенное божество; а изъ того, что *Зорки* назначены Богомъ для храненія людей, можно заключить, что это—*духи*. Впрочемъ, изъ поговорокъ можно заключать, что *Зорка* у Бѣлорусцевъ какое-то божество. Вотъ поговорка: *Што уже зъ лѣб, калі́ јѡнъ не у Зорки* (что изъ него будетъ, когда онъ не въ милости у *Зорки*, безъ покровительства *Зорки*, то есть, бездольный).

VIII. *Каляда́.*

Каляда́ — божество веселья и радости. Въ честь его праздновали время отъ Рождества Христова до Новаго Года. Еще и теперь по вечерамъ собираются хороводы парней или дѣвицъ, и, устроивши кое-какую музыку, ходятъ по улицамъ деревни или села. Подходя къ окошку какого-нибудь дома, хороводъ пляшетъ и поетъ веселыя пѣсни, припѣвая: «*Ой, Каляда́жъ ты нашъ. Каляда́чку, да весёлы-жъ Каляда́!*...» Хозяева домовъ очень довольны бываютъ посѣщеніямъ такихъ гостей и щедро награждаютъ ихъ, преимущественно колбасами. *Поговорки: Калядава́въ, калядава́въ, паку́ль акалядава́вся* (Веселился, веселился (кутилъ), пока все промотался). *Кали́ не на Каляду́ пабадзляца, дажъ кали-жъ болѣй?* (Если на Каляду, т. е. въ праздникъ Каляды, не покутить, то когда же больше?)... Впрочемъ, о Калядѣ много было писано, и потому мы не считаемъ нужнымъ слишкомъ распространяться о немъ.

IX. *Купало́.*

Купало́ — покровитель цвѣтовъ и плодовъ. О Купалѣ также много было писано. Упомяну здѣсь о томъ, что неизвестно еще читающей публикѣ. Вотъ обрядъ въ честь *Купалы*. Въ Ивановъ день, съ разсвѣтомъ, собирается, по условленному договору, хороводъ молодыхъ дѣвицъ, начиная съ 16 лѣтъ и далѣе; общимъ голосомъ выбираютъ изъ хоровода одну самую дородную, самую красивую дѣвицу, и нарекаютъ ее *Дзѣско-Ку-*

пáло. Выбранная въ Купалы гордится своимъ достоинствомъ, и потому, не желая унижить его, старается во всемъ угождать своему хороводу. Избравъ дѣвицу, хороводъ разлѣваетъ ее и обвиняетъ все ея тѣло, съ головы, приготовленными для того вѣнками изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Таковъ, по понятію Бѣлорусцевъ, *Купáло*. Убравши такимъ образомъ дѣвицу, хороводъ ведетъ ее въ мѣсто въ определенное мѣсто, гдѣ приготовлена глубокая яма. Въ ямѣ набросано множество вѣнковъ изъ свѣжихъ и сухихъ цвѣтовъ. *Дзіву-Купáло* вводятъ въ яму съ завязанными глазами. Потомъ, хороводъ кольцомъ кружится вокругъ ямы. Между тѣмъ, *Дѣва-Купáло* безъ разбора беретъ вѣнки, находящіеся въ ямѣ, и раздаетъ ихъ, кому ни попало изъ кружащихся вокругъ ямы дѣвицъ. Если какой дѣвицѣ попадется вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, то это значитъ, по ихъ понятію, что эта дѣвица въ замужствѣ будетъ счастлива и богата. Поэтому, сейчасъ всѣ начинаютъ плясать, припѣвая, съ обращеніемъ къ *Дѣву-Купалю*, каждая по-одиначкѣ, веселыя пѣсни (одного, впрочемъ, содержанія, которыя по длиннотѣ своей здѣсь опускаются). Напротивъ, если какой дѣвицѣ попадется вѣнокъ изъ сухихъ цвѣтовъ, то это значитъ, что она въ замужствѣ будетъ несчастна и бѣдна. Тогда уже не пляшутъ, а садятся всѣ вокругъ ямы, и умоляющимъ, заунывно-протяжнымъ голосомъ взываютъ (ноютъ) къ *Дѣву-Купалю* :

Переводъ.

Ай, Купáло-жъ, ты, Купало, Ой, Купало-жъ, ты, Купало,
Да скажи-жъ ты намъ цѣ- Скажи ты намъ теперь,
перъ,

Што-жъ гэта јой выпало, Чтожъ это ей выпало,
Ай, скажыжъ ты цяпёръ. Ай, скажи-жъ ты теперь.

Дѣва-Купало въ такомъ же тонѣ отвѣчаетъ:

Счасъця, доля,	<i>Переводъ.</i>	Счастья, доля,
Не бачыць јой,		Не видать ей,
Жыць у недоли,		Жить въ недоли,
Одъ-же-жъ, одъ јой		Вотъ судьба ей!

За тѣмъ опять продолжаютъ воровить. *Дяла-Купало*, по прежнему, раздаегъ яѣнки; и этотъ обрядъ продолжается до тѣхъ поръ, пока каждая изъ находящихся тутъ дѣвицъ не выворожитъ своей судьбы. Наконецъ, вечеромъ, по данному знаку *Дявы-Купалы*, весь хороводъ опростею бѣжитъ отъ ямы, не оглядываясь, боясь, чтобы Купало, выскочивъ изъ ямы и путившись въ погоню, не поймалъ какой-нибудь: потому что, по мнѣнію Бѣлорусцевъ, та дѣвица, которую поймаютъ Купало, не выйдетъ замужъ въ томъ году. Вѣрованіе въ *Купалу*, равно какъ и въ Коляду, существуетъ по всей Бѣлоруссіи.

Х. *Лáдо*.

Лáдо то же, что и у древнихъ Славянъ, — покровитель любви. У Бѣлорусцевъ есть много пѣсень и поговорокъ, въ которыхъ очень часто упоминается *Лидъ-Лáдо*, *Лидъ-Лáдо*, но все это не ясно, смѣшано: трудно найти опредѣленный смыслъ. Вотъ, между прочимъ, Бѣлорусская *пѣснорка*: *Не зъ Лáдомъ мужъ, не зъ Лáдомъ жанка* (Мужъ не по любви, жена не по любви).

XI. *Лелію.*

Лелію (Ліолію, Люлію) — купидонъ съ крылышками. Быть можетъ, баюканье Бѣлорусскихъ нянюшекъ: *Лелю! Люли! Ліолі!*... есть призываніе купидона для охраненія младенцевъ во время ихъ сна? Это же подтверждается слѣдующими Бѣлорусскими пѣснями, которыя поютъ няньки, убаюкивая дѣтей:

Переводъ.

Ой, Ліолі, Ліолі!
Придзи къ дзвнцацэ,
Да дай спацц!
Ой, Ліолі, Ліолі!

Ой, Ліолі, Ліолі
Приди къ дятата,
Дай ему уснуть.
Ой, Ліолі, Ліолі!

Ой, Лелі, Лелі,
Придзи къ пасьцелі!

Ой, Лелі, Лелі!
Приди къ колыбелі!

Ой, Люлі, Люлі,
Присняся Петрулі!

Ой, Люлі, Люлі!
Явсь во снѣ Петрушѣ!

Кромѣ того, Бѣлорусцы рассказываютъ, будтобы во время такого убаюкиванія дѣтей, дѣйствительно носится надъ колыбелью засыпающаго младенца *Лелію*, едва замѣтный, въ родѣ какого-то тумана.

XII. *Павѣда.*

Павѣда, — какая-то воздушная стихія — вѣтеръ или буря. Вотъ, между прочимъ, пѣсна Бѣлорусцевъ при закатѣ солнца:

Переводъ.

- 1) Чы пень, чы калода! Пень ли ты или калода!
 Чы будзе завтра погода? Скажи, будетъ ли завтра
 погода?
- 2) Ай, Пагодажъ, Пагода? Ахъ, Погодажъ, Погода!
 А гдѣжъ мая надзоба? Скажи, гдѣ мнѣ искать
 счастья?

Эти воззванія Бѣлорусцы особенно употребляютъ находясь въ лѣсу, думая, что здѣсь живетъ *Палода*, и потому услышать ихъ. Къ этому обстоятельству должны быть примѣнены слова: *пень-калода*.

XIII. *Пѣрунь*.

Пѣрунь — богъ грома и молніи. По понятію Бѣлорусцевъ, *Пѣрунь* имѣетъ большую голову съ черными волосами и глазами, длинную золотую бороду; онъ высокаго роста, плечистъ; въ лѣвой рукѣ носитъ колчанъ съ стрѣлами, а въ правой — лукъ. Бѣлорусцы вѣрятъ, что *Пѣрунь*, видя пороки людей, разбѣзжаетъ по небу на огненной колесницѣ, съ огненнымъ лукомъ въ рукахъ, съ тѣмъ, чтобы пугать людей: отсюда они изъясняютъ явленіе грома. Когда же *Пѣрунь* увидитъ, что люди не пугаются его грома, то, желая наказать нераскаянность людей, пускаетъ изъ огненного своего лука стрѣлу, которая съ огнемъ ниспадаетъ на землю и верѣдко производитъ пожаръ: отсюда изъясняютъ явленія молніи. Последнее вѣрованіе свое Бѣлорусцы подтверждаютъ тѣмъ фактомъ, будто бы

Литерат. Отд.

послѣ пожара, произведеннаго молніею, всегда находятъ на землѣ какую-то чудесную стрѣлу. *Поговорки: Кабѣ цябѣ Пѣрунь трэснуе* — пусть тебя Пѣрунь (громъ) убьетъ (изъ огненного лука). *Які тамъ Пѣрунь ліскае* — что тамъ за грохотъ такой? — О Перунѣ знаютъ всѣ Бѣлорусцы безъ исключенія.

XIV. *Расамѣха.*

Расамѣха — какой-то грозный духъ. Бѣлорусцы представляютъ его страшнымъ чудовищемъ, состоящимъ изъ половины человѣка и половины льва, т. е., заднія ноги его и другія части до груди — человѣческія, остальные же — львиныя; весь онъ покрытъ длинною, самою бѣлою шерстью; ходитъ на заднихъ ногахъ. Вѣрятъ, будто *Расамѣха* всегда живетъ въ конопляхъ (куда дѣвается зимою — неизвѣстно), и выходитъ только ночью для присканія корму; вѣрятъ такъ же, будто она, увидѣвъ нѣсколькихъ людей, нападаетъ на самого молодого изъ нихъ (старыхъ не трогаетъ); напавши на свою жертву, она не душитъ его, но, прогрызя у живаго черепъ, высасываетъ мозгъ; высосавши же мозгъ, тѣло бросаетъ. *Поговорка: Кабѣ цябѣ Расамѣха задрала.* Не то ли же это, что у Славянъ — Чернобогъ? . . .

XV. *Русѣлки.*

Русѣлки — водяныя Нимфы. Бѣлорусцы представляютъ ихъ нагими, кое-гдѣ прикрытыми сухими

листьями; вѣрять, будто бы онѣ живутъ въ озерахъ, и при свѣтлой лунѣ плещутся у береговъ озеръ; это они дѣлаютъ для того, чтобы заманить къ себѣ проходящихъ. Горе, говорятъ, тому человѣку, который подойдетъ къ нимъ: онѣ тотчасъ выбѣгаютъ изъ воды, бросаются на несчастную жертву и шекочутъ его до тѣхъ поръ, пока не зашекочутъ до смерти. *Поговорка: Шлакочыца, бы Русалка, — шекочется, какъ Русалка.*

XVI. Чуръ-богъ.

Чуръ-богъ — богъ границы. До сихъ поръ еще есть остатки вѣрованія, будто у каждаго хозяина есть свой *Чуръ-богъ* на границѣ его участка земли. Поэтому-то и теперь еще сохраняется обычай въ Бѣлоруссiи — насыпать на границѣ своихъ участковъ высокій земляной бугоръ. Бугоръ этотъ огораживаютъ частоколомъ, и никакою дерзкой не осмѣлится разрыть этотъ священный бугоръ, опасаясь, чтобы тѣмъ не разгнѣвать *Чуръ-бога*, который тамъ живетъ и охраняетъ землю хозяина отъ хищности звѣрей и грабительства людей. *Поговорка: Чуръ та-бі па языкъ!* — посадилъ бы ты на своемъ языкѣ *Чуръ-бога*, т. е., далъ бы ты границу своему языку, или перестань говорить!

XVII. Яіа-баба—касцялаа-паіа.

Яіа-баба—касцялаа-паіа—зловый духъ въ образѣ гадкой старухи. Бѣлорусцы представляютъ ее

вздышаю въ желѣзной ступѣ и погоняющею огненно-горящею метлою воздушныя силы, которыя приводятъ въ движеніе ея ступу; думаютъ, что она живетъ въ воздухѣ. Когда она ѣдетъ, говорятъ, земля стонетъ, вѣтры свищутъ, звѣри воютъ, домашній скотъ прячется въ хлевы; самыя даже нечистыя силы, везущія ея ступу, страшно ревутъ, — такъ что еще не видно ни *Ягй-бабы*, ни ея колесницы, а страшныя явленія, сопровождающія ея путешествіе, даютъ знать, что нѣчто злобное летитъ на землю. У Бѣлорусцевъ есть повѣрье, что Яга-баба появляется тогда, когда у нея не станетъ человѣческаго мяса, которымъ она питается. Принявъ образъ старухи, она является въ домъ какого-нибудь семьянина, и, воспользовавшись, при помощи своей демонской хитрости, простотою мужичка, похищаетъ у него дитя. Рассказываютъ, будто бы однажды *Баба-Яга* уронила въ воздухѣ дитя, и оно упало мертвое на кровлю того же дома, гдѣ оно было похищено. *Поговорка: Вытрещылася якъ баба-ягѣ-касыцянѣ-на-ягѣ*, т. е., вытаращила такіе страшныя глаза, какъ-будто сама *Баба-ягѣ — костяная ногѣ*.

XVIII. *Ярыло*.

Ярыло — богъ весны и плодоносія. Бѣлорусцы представляютъ его молодымъ, красивымъ, развѣзжающимъ на бѣломъ конѣ. По ихъ мнѣнію, Ярыло всегда бываетъ покрытъ бѣлою мантиею; на головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ; въ правой рукѣ держитъ онъ человѣческую голову, а въ лѣвой — маленькій снопикъ (горсть) ржа-

ныхъ колосѣвъ ; ноги у него босыя. Въ честь его Бѣлорусцы празднуютъ время первыхъ деревенскихъ посѣвовъ (въ Бѣлоруссіи) 27 Апрѣля. Обрядъ этого праздника слѣдующій. Вечеромъ (въ сумерки) хороводъ дѣвицъ собирается въ одинъ домъ, и тамъ избравши одну дѣвицу *Ярыломъ*, одѣваютъ ее точно такъ, какъ они представляютъ Ярыла, и сажаютъ ее на бѣлаго коня, привязаннаго къ столбу. Между тѣмъ, хороводъ извивается длинною веренищею вкругъ Ярылы и пляшетъ ; у каждой дѣвицы непременно долженъ быть на головѣ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, какіе только могутъ быть въ то время. Если же весна бываетъ теплая и благорастворенная, особенно если самый день праздника хорошъ, то этотъ обрядъ совершается съ разсвѣтомъ дня на чистомъ полѣ, даже на посѣянныхъ нивахъ. Старики-сѣняне не только не препятствуютъ этой забавѣ молодыхъ дѣвицъ, но и сами присутствуютъ при ней.

Во время пляски дѣвицы поютъ въ одинъ голосъ пѣсню, въ которой изображены дѣйствія этого мнимаго бога, будто бы онъ ходитъ по всему свѣту, на нивахъ рожь раститъ, и людямъ приносить чадородіе.

А глазѣжъ јонъ нагою,
Тамъ жыто капою,

А гдѣ онъ ступить ногою,
Тамъ рожь растетъ густо (хорошо),

А глазѣжъ јонъ ни зырнѣ,
Тамъ коласть зацьвицѣ.

А на какое мѣсто взглянетъ,
Тамъ колосья зрѣетъ.

Пѣсня эта очень длинна. Замѣчательно, что въ хороводныхъ праздникахъ Бѣлорусскихъ главную и

исключительную роль играют дѣвицы, а не мужчины (парни) (*).

XIX. Цмокъ.

Цмокъ—духъ въ видѣ змѣи. Три рода *Цмоковъ* насчитываютъ Бѣлорусцы. Именно: 1) *Цмокъ*—общій (*Цмокъ*), 2) *домовой* (*домовікъ*) и 3) *лѣсной* (*лѣсовікъ*). Объ общемъ *Цмокѣ* Бѣлорусцы мало знаютъ: кажется, это, по ихъ понятію, просто діаволъ. Общій *Цмокъ* имѣетъ въ своей власти и распоряженіи всѣхъ другихъ *Цмоковъ*: всѣ прочіе *Цмоки* должны давать отчетъ *Цмоку общему*. — У каждаго семьянина, говорятъ Бѣлорусцы, есть *домовой-Цмокъ* (но, какъ видно, это уже не діаволъ). Онъ поселяется въ домѣ избраннаго имъ семьянина и, пока съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, не отходитъ отъ него къ другому семьянину. *Домовой-Цмокъ* носитъ своему семьянину деньги, дѣлаетъ нивы его плодосными, а коровъ дойными (то есть, дающими мно-

(*) Въ этомъ очевиднѣ кроткій и миролюбивый нравъ Бѣлорусцевъ. Праздникъ Ярилу совершался и въ другихъ частяхъ Россіи, наприм. въ Воронежѣ, гдѣ благочестивый Епископъ Тихонъ (столь извѣстный своими душеспасительными твореніями) принужденъ былъ употребить все вліяніе своего святительскаго сана къ уничтоженію сего праздника въ народѣ. Тамъ наряжали молодого человека и съ пляскою выводили его за ворота въ поле, гдѣ происходило такъ-называемое вгрище съ плясками, пѣснями, пьянствомъ и кулачными боями или простыми драками. *Прим. Ред.*

го молока); вообще онъ смотритъ за всѣмъ его хозяйствомъ. Разумѣется, все это дѣлается тайно, незамѣтно отъ семьянина; впрочемъ, каждый семьянинъ знаетъ своего *Цмока-домовика*, но не болѣе какъ своего, такъ-что одинъ семьянинъ не знаетъ *Цмока-домовика* другого семьянина, даже рядомъ съ нимъ живущаго. За такія услуги *Цмока-домовика*, семьянинъ, съ своей стороны, долженъ всякій день готовить для него яичницу, и ставить ее всегда въ сковородѣ на кровлѣ дома. Говорятъ, что когда одинъ семьянинъ не приготовилъ для своего *Цмока-домовика* яичницы, то *Цмокъ-домовикъ* въ ту же ночь сжегъ весь его домъ и перешелъ къ другому семьянину. Но этотъ обычай не повсемѣстенъ въ Бѣлоруссiи; болѣе господствуетъ слѣдующій. Каждый семьянинъ, съ своей стороны, обязанъ, въ извѣстные дни гола, готовить яичницу для своего *Цмока-домовика*, и, прикрывъ ее частымъ рѣшетомъ, ставить на *гумницѣ* (мѣсто при гумнѣ). *Лѣсовою* *Цмокъ* (*Лѣсовикъ*), говорятъ Бѣлорусцы, непримиримый врагъ *домовика*, и потому-то онъ все дѣлаетъ на зло ему. Онъ моритъ у хозяевъ скотъ, дѣлаетъ низы ихъ неурожайными, ночью высасываетъ молоко у коровъ и похищаетъ дочерей. Этотъ-то *Цмокъ-лѣсовикъ* нерѣдко поѣдаетъ яичницы, приготовленные для *Цмоковъ-домовиковъ*. Забавный случай въ этомъ отношенiи рассказываютъ Бѣлорусцы, будто бы, однажды, *Цмокъ-лѣсовикъ* прежде времени успѣлъ окончить порученiя *Цмока* общаго и прiletѣлъ къ одному семьянину съѣсть яичницу, приготовленную для *Цмока-домовика*. Въ это время прiletѣлъ и *Цмокъ-домовикъ*. Провозшла драка, и на

шумъ, произведенный ими, стеклись поселяне со всей деревни. Но Цмоки, говорятъ, постыдились, и улетѣли. Послѣ этой драки на гумніцы осталось много крови и нѣсколько клочковъ мяса.... Вообще о Цмокахъ въ Бѣлоруссіи сохранилось много преданій, и всѣ онѣ одно другаго забавнѣе и замысловатѣе. Не знаемъ, можно ли Цмока Бѣлорусскаго назвать тѣмъ самымъ Змокомъ, котораго Г. Касторскій приписываетъ Польшѣ. (См. его Начертаніе Слав. Мифолог., стр. 57). Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ Змокъ въ Польшѣ то же, что Цмокъ въ Бѣлоруссіи, и что даже гораздо вѣрнѣе будетъ, если и Польскаго духа назвать Цмокомъ, а не Змокомъ. Это можно доказать производствомъ словъ Змокъ, Цмокъ, и самымъ дѣломъ (фактомъ). Если этого духа назвать Змокомъ, то не лѣзя будетъ найти корня этого слова ни въ Польскомъ языкѣ, ни въ Бѣлорусскомъ нарѣчій. Развѣ въ Русскомъ? Но если производить корень этого слова изъ Русскаго языка, то свойства, приписываемыя Цмоку въ Бѣлоруссіи и Змоку въ Польшѣ, ничуть не оправдаютъ этого словопроизводства. Такъ, если производить змокъ отъ мокнуть (а иначе не лѣзя на Русскомъ языкѣ), то этимъ ничуть не опредѣлишь значенія слова Змокъ. Но съ какой стати искать корня этого слова въ Русскомъ языкѣ? Равно и опытъ не доказываетъ мнѣнія Г. Касторскаго. Въ Польшѣ много рассказываютъ очень страшнаго про Цмока, и всѣ эти рассказы похожи на рассказы Бѣлорусцевъ. Различіе въ томъ, что въ Польшѣ знаютъ одного Цмока (общаго), который, по мнѣнію Бѣлорусцевъ, есть діаволъ, а въ Бѣлоруссіи насчитываютъ три рода

Цмоковъ. Напротивъ, если мы назовемъ этого духа *Цмокомъ*, то это слово очень легко и вѣрно можно произвестъ отъ его корня какъ Бѣлорусскаго, такъ и Польскаго, и значеніе его не будетъ противорѣчать самымъ дѣйствіямъ, приписываемымъ Цмоку. Такъ слово *Цмокъ* происходитъ отъ глагола *цмокаць* (спо-кас'), который и на Бѣлорусскомъ нарѣчїи и на Польскомъ языкѣ значить — *свистать*, шелкать зубами, шипѣть по-змѣиному. Корень вѣренъ и такой предикатъ очень идетъ къ змѣѣ. Итакъ, *Цмокъ* Бѣлорусскій и *Змокъ* Польскій есть одинъ и тотъ же нечистый духъ въ образѣ змѣи.

ДРЕВЛЯНСКІЙ.

БѢЛОРУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ (1).

XX. *Вазіла*.

Вазіла, — покровитель лошадей. Бѣлорусцы представляютъ его въ человѣческомъ образѣ, съ лошадиными ушами и копытами; въ одеждѣ, впрочемъ, человѣческой, — для отличія отъ *Кумелы́на* (2), который весь покрытъ лошадиною шерстью. По понятію Бѣлорусцевъ, всякій хозяинъ имѣетъ своего *Вазілу*, который заботится о размноженіи лошадей и предохраняетъ ихъ отъ болѣзней и припадковъ. *Вазіла*, говорятъ, большею частью живетъ въ хлѣвахъ лошадиныхъ, но также всегда присутствуетъ и на такъ-называемыхъ ночлегахъ, когда лошади пасутся большими табунами. На этихъ ночлегахъ особенно необходимо присутствіе *Вазілы*

(1) Первая статья помѣщена во второй книжкѣ Прибавленій къ Ж. М. Н. Пр. 1846 года.

(2) См. ниже.

какъ для предохраненія лошадей отъ нападенія волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей, такъ — главное — для защищенія ихъ отъ ухищреній непримиримаго врага его *Кумельяна*. Въ слѣдствіе такого повѣрья, Бѣлорусскіе пастухи, часто, беззаботно проводятъ ночлегъ въ гулянкахъ, или спятъ, вовсе не присматривая за ввѣреннымъ имъ табуномъ хозяйскимъ, и предоставляя лошадей заботливости и бдительности Вазилы. Они, обыкновенно, вколачиваютъ на мѣстѣ ночлега огромный щестъ, и втыкаютъ на него костякъ лошадиной головы, думая, что это символическое изображеніе Вазилы спасетъ табунъ отъ всѣхъ могущихъ встрѣтиться опасностей. Говорятъ даже, будто, въ случаѣ нападенія какого-нибудь звѣря и даже Кумельяна на табунъ, лошади, по какому-то инстинкту, сбѣгаются на то мѣсто, гдѣ вколоченъ щестъ съ головою Вазилы, и здѣсь находятъ себѣ спасеніе: потому что ни звѣрь, ни Кумельянъ не смѣетъ подойти къ этому мѣсту. Бѣлорусскіе хозяева до того увѣрены въ покровительство Вазилы, что часто оставляютъ лошадей своихъ на полѣ, ночью, однихъ безъ пастуха, думая, что Вазила будетъ пасти ихъ. *Вазила паодеа* (Вазила будетъ водить, руководствовать), говорятъ обыкновенно въ этомъ случаѣ.

Бѣлорусцы особенно уважаютъ Вазилу (отъ чего онъ, можетъ быть, и называется — Вазила) за то, что онъ, будто бы ночью, привозитъ на себѣ какую-то особенную траву и мѣшаетъ ее въ кормъ лошадиный, отъ которой лошади крѣпнутъ и дѣлаются сильными и рослыми. Не одинъ Бѣлорусскій хозяинъ часто увѣряетъ другаго, будто онъ на-

ходить траву эту въ ясляхъ и мѣять ее на всякой случай... Разсказываютъ также много случаевъ, что Вазіла, будто бы, найдя Кумельгана въ хлѣвѣ, безпощадно его мучить, и что слышенъ бываетъ ужасный стукъ и топотъ, происходящій отъ драки Вазілы съ Кумельганомъ. Вазіла въ большемъ уваженіи въ Бѣлоруссіи, но онъ не вездѣ извѣстенъ подъ однимъ и тѣмъ же именемъ: гдѣ называютъ его *Канькачомъ*, гдѣ — *Хлѣвникомъ*, гдѣ — *Табунникомъ*, а гдѣ — *Вѣсусникомъ*. Поговорка: *спабрався, якъ Вазіла зъ Кумельганомъ*—сдѣлался (т. е. драться) какъ Вазіла съ Кумельганомъ; *наважнися безъ Вазілы* — замучился безъ (помощи) Вазілы; *кимавѣсянкіи, бадай Вазіла*—ничего, лишь бы (былъ) ахъсь) Вазіла.

XXI. Гарцуки.

Гарцуки—горные духи. Бѣлоруссы вѣрятъ, что въ большихъ горахъ живутъ духи, подчиненные Перуну. По ихъ понятію, духи эти, при восходѣ и закатѣ солнца, играютъ на горахъ, какъ дѣти; въ полдень стрѣлой носятся они на лошадяхъ по полямъ и лѣсамъ, а ночью, въ видѣ разныхъ хищныхъ птицъ, летаютъ въ воздухѣ, по порученію Перуна. Гарцуковъ, говорятъ, безчисленное множество: всѣ они по-очередно находятся на службѣ у Перуна; эти самые Гарцуки возятъ на небѣ *аромовой жерновъ*, на которомъ разѣвѣжаетъ Перунъ съ огненнымъ лукомъ. Въ Бѣлоруссіи есть повѣрье, будто Гарцуки производятъ вѣтры, бури, вихри и

другія разрушительныя явленія Природы. Такъ вѣтеръ, говорятъ, происходитъ отъ того, что Гарцуки, въ видѣ птицъ, разыгравшись въ воздухѣ, своими крыльями производятъ необыкновенное колебаніе въ воздухѣ; чѣмъ сильнѣе они машутъ крыльями, тѣмъ сильнѣе бываетъ вѣтеръ, такъ-что поднимается буря. Вихри, говорятъ, происходятъ отъ того, что Гарцуки, въ видѣ дѣтей, разыгравшись, начинаютъ бѣгать въ-запуски одинъ за другимъ круговращательно, отъ чего песокъ столбомъ поднимается вверхъ. Слово «Гарцукъ» происходитъ отъ *гарцоуць* — играть, бѣгать въ запуски (собственно, по горамъ), отсюда — *Гарцукъ* значитъ играющій, бѣгающій по горамъ въ-запуски. Поговорки: *Рана узгарцавадся, штобы вѣчерамъ не зартавадся* — рано играешь (веселишься), какъ бы вечеромъ горе тебя не посѣтило; *не гарцавадъ ба, какъ не доля* — не кутилъ бы, если бъ не удача во всемъ; *чамужъ не гарцавадъ, калі бѣдзэ шанцавадъ* — отъ чего же не повеселиться, если повезетъ счастье.

XXII. Дзѣвбѣл.

Дзѣвбѣл — богиня дѣвства. У Бѣлорусцевъ есть обычай, при выходѣ дѣвицы въ замужество, праздновать послѣдній день ея дѣвства. Для этого, обыкновенно, вечеромъ того дня, въ домъ невѣсты собирается хороводъ ея подругъ. Невѣста встрѣчаетъ своихъ подругъ со слезами и бросается въ ихъ объятія. Хороводъ подругъ то же плачетъ и сквозь слезы поетъ :

- 1) Ахъ, Дзѣвѡя, ахъ, Дзѣвѡя!
 Ой не стѡла зновъ аднѡя;
 Не твоя уже јенѡ
 Завтра, завтра бѹдзѣжна.

Да Дзѣвѡечка!
 Да Дзѣвѡечка!
 Да не кривдзѣ жѣткѡ ты насъ,
 Не збѡдзлѣй еѣ адъ насъ.

Переводъ. Ахъ, Дзѣвѡя, ахъ Дзѣвѡя!
 Ой не стало снова одной;
 Не твоя ужь она
 Завтра, завтра будетъ-то.

Да Дзѣвѡечка!
 Да Дзѣвѡечка!
 Да не обимайже жъ ты насъ,
 Не отнимай еѣ у насъ.

Пѣсню эту, безпрестанно прерываемую всхли-
 пываніемъ, поютъ долго, пока наконецъ невѣста
 и подруги еѣ успокоятся нѣсколько. Успокоившись,
 невѣста проситъ подругъ садиться, а сама уходитъ;
 чрезъ нѣсколько минутъ она опять является и про-
 ситъ подругъ итти съ нею въ *кльцѡ* (*), гдѣ склады-
 вается заготовленное для невѣсты приданое. Тутъ-
 то, въ этой *кльци* начинается смотръ всему прида-
 ному по одиначкѣ, съ припѣвомъ на всякую вещь.
 Припѣвы эти выражаютъ сожалѣніе дѣвицъ о по-
 терянной подругѣ; соединеніе всѣхъ ихъ можно вы-
 разить слѣдующими словами: какъ ни хороши эти

(*) *Кльцѡ* — кладовая въ одномъ зданіи съ жилыми комнатами,
 гдѣ хранится, большею частью, только платье и бѣлье.

наряды, все же они не нравятся намъ, потому что напоминають о потерѣ нашей дѣвичьей золотой свободы (*волюшки*), съ лишеніемъ которой каждая изъ насъ лишается покровительства *Дзѣвои*. Наконецъ, когда невѣста вынетъ *наметку* (*), и передастъ ее своимъ подругамъ, тогда выхлипыванія возобновляются: всѣ дѣвицы, какъ испуганныя, отскакиваютъ отъ невѣсты. Оставшись одна, невѣста заливается слезами, и поетъ медленно, вполголоса:

2) Не паківула менé,
Бóжнячка еще Дзѣво́я,
А вже ківули усъ,
Ба спужалися *заво́я* (*).

А Дзѣвóечка,
Да Дзѣвóечка!
Чы вжежъ я
Не твая?

Переводъ. Еще я не лишилась
Покровительства богини Дзѣво́и,
А ужъ бросили меня всъ,
Потому что испугались *заво́я*.

О Дзѣвóечка!
Да Дзѣвóечка!
Не ужели же я
Уже не твоя?

Тутъ дѣвицы опять бросаются къ невѣстѣ и каждая наперерывъ обнимаетъ ее, стараясь выразить свое расположеніе къ ней и сожалѣніе о поте-

(*) *Наметка*—головной уборъ замужней Бѣлорусянки.

рѣ своей подруги. Затѣмъ, поютъ, не отступая отъ невѣсты :

- 3) Штожъ намъ рѣбѣць, штожъ намъ рѣбѣць
А зязюлечка (*) жъ ты наша?
Радыбъ вѣшець выневѣлицъ,
Да дарѣмна будзе праца.

Штожъ намъ рѣбѣць, штожъ намъ рѣбѣць?
Кѣли наведъ в Дзѣвѣя
Цябъ не вzmоже выневѣлицъ
Зъ маладзїцкаго завѣя?

Штожъ намъ рѣбѣць, штожъ намъ рѣбѣць
Любенькая сѣстрынечка?
Думаешъжежъ намъ не шкѣдзїць,
Што цябѣ (у насъ) не астанѣцца?

Штожъ намъ рѣбѣць, штожъ намъ рѣбѣць?
Выжабраваць бѣ у Дзѣвѣя
Ласки для цябъ ; да не збѣдѣць :
Не ее бачъ ты зъ-сягѣднї.

Переводъ. Что жъ намъ дѣлать, что жъ намъ дѣлать
Горемыка ты наша?
Рады бы тебя избавить (отъ этого гора),
Да попусту будетъ наше старанье.

Что же намъ дѣлать, что же намъ дѣлать?
Когда даже в сама Дзѣвѣя
Не можетъ тебя избавить
Отъ замужняго завѣя?

Что же намъ дѣлать, что же намъ дѣлать,
Миленькая сестричка ?

(*) *Зязюлечка* или *Зязюлька* собственно значить кукушка, въ переносномъ смыслѣ — плачущій, горюющій неутѣшно, горемыка, а иногда также — миленькій, ая, голубушка.

Неужели же ты думаешь, что намъ не жаль будетъ,
Когда тебя не станетъ (у насъ)?

Что же намъ дѣлать, что же намъ дѣлать?
Мы стали бы вымаливать у Дзѣвон
Милости тебѣ; да ничто не поможетъ,
Потому что завтра ты будешь ужъ не ея.

Послѣ этихъ выраженій сожалѣнія и готовности помочь при малѣйшей возможности, дѣвицы на-
дѣваютъ на голову своей подруги-невѣсты намет-
ку, и ведутъ ее въ комнату, гдѣ уже собрано на
столъ. Всѣ дѣвицы садятся за столъ, но *невѣста въ наметкѣ* не садится на приготовленное, для нея
мѣсто: она услуживаетъ своимъ подругамъ, по-
даетъ имъ кушанья, питье и пр. При всякой пере-
мѣнѣ кушанья, она перемѣняетъ и у себя, хотя
сама ничего не ѣстъ. Въ продолженіе всего этого
угощенія царствуетъ глубокая тишина. При этомъ
угощеніи, равно какъ и при всей этой церемоніи, не
бываетъ никого изъ родныхъ невѣсты, за исключе-
ніемъ только сестеръ ея. Послѣ *общаго угощенія*, не-
вѣста одна садится за столъ — *безъ наметки*, и тутъ
услуживаютъ ей всѣ подруги, наперерывъ желая
угодить будущей *маладзіцѣ* (замужней женщинѣ).
По окончаніи *угощенія невѣсты*, дѣвицы незамѣтно
одна за другою уходятъ (даже и сестры ея), такъ
что наконецъ невѣста остается одна. Увидѣвъ себя
оставленною подругами, она заливается слезами, и,
всхлипывая, поетъ:

Переводъ.

4) А Дзѣвѳечка
Да Дзѣвѳечка!

О Дзѣвѳечка
Да Дзѣвѳечка!

Штожъ мнѣ рѣбницъ?
Штожъ мнѣ рѣбницъ?

Что же мнѣ дѣлать?
Что же мнѣ дѣлать?

А пакѣнули
Горкую менѣ,
Да-и-парынули
Каждая къ сабѣ.

Охъ!.. оставили
Горкую меня;
Да и разбрелись
Всѣ по своимъ домамъ.

Въ это время, родные, услышавъ ея рыданія, входятъ къ ней и стараются утѣшить разными веселыми рассказами. На другой день, тѣ же подружки являются къ невѣстѣ, и поздравляютъ ее съ женихомъ, котораго они приводятъ къ ней.

Дзѣвѣя извѣстна почти во всей Бѣлоруссiи, только подъ разными именами (напр. Калѣя, Гѣжня, Сѣва ипр.).

XXIII. Жыжъ.

Жыжъ, богъ огня, то же, что *Зничъ* у Литовцевъ (или, лучше, древнихъ Ятвяговъ). Бѣлорусцы вѣрятъ, будто *Жыжъ* то и дѣлаетъ, что расхаживаетъ подъ землею и тамъ *выпускаетъ изъ себя огонь*. Когда онъ ходитъ тихо, то чрезъ это, говорятъ, согрѣвается земля; когда же расхаживаетъ быстро, то земля загарается; отсюда происходятъ пожары въ различныхъ мѣстахъ поверхности земной; пожары эти, говорятъ, истребляютъ лѣса, выпаливаютъ сѣнокосы, сушатъ огороды, поля, отъ чего они дѣлаются бесплодными.

Впрочемъ, о *Жыжѣ* мало извѣстно въ Бѣлоруссiи: его знаютъ только, кажется, въ Минской Губер-

ніи. Поговорки: *Жыжъ уна́дзисся*—Жижъ т. е. засу-
ха или пожаръ стали часто появляться; *неумі́чны,*
якъ Жыжъ — неотвязчивъ, прилипчивъ, какъ Жижъ;
Жыжка сѣла — что-то въ родѣ сыпи или лишая сѣ-
ло, показалось (на губахъ). *Жыжка* въ собственномъ
значеніи — прыщъ на губахъ, *огникомъ* иначе назы-
ваемый еще въ Бѣлоруссіи.

XXIV. Жыцень.

Жыцень, богъ осени. Бѣлорусцы представляютъ
Жыценя нѣсколько грознымъ, какъ будто вѣчно-не-
довольнымъ на кого-то. По ихъ понятію, Жыцень
низкаго роста, тощъ, даже костливъ; довольно по-
жилыхъ лѣтъ, съ тремя глазами (третій на затыл-
кѣ); ходитъ очень тихо, согнувшись; съ всклоко-
ченными волосами. Жыцень, говорятъ, обыкновенно
является на поляхъ и въ огородахъ послѣ совершен-
ной уборки посѣвовъ. Расхаживаетъ онъ по полямъ и
огородамъ для того, чтобъ осмотрѣть, все ли хоро-
шо убрано, какъ слѣдуетъ быть въ добромъ хозяй-
ствѣ. Нашедши на *жні́внику* (*) много колосьевъ,
оброненныхъ жнецами, Жыцень собираетъ эти ко-
лосья и, связавши ихъ въ одинъ снопъ, переноситъ
на другой *жні́вникъ*, гдѣ все убрано чисто, съ бе-
режливостью. Слѣдствіемъ этого бываетъ неурожай
въ слѣдующемъ году на томъ мѣстѣ, гдѣ Жыцень
нашелъ много брошенныхъ колосьевъ, а, наоборотъ,
обильный урожай на той нивѣ, гдѣ оставилъ онъ
снопъ. Точно то же бываетъ и съ огородами, кото-

(*) *Жні́вникъ*—мѣсто, гдѣ было посѣяно что-нибудь и уже сжато.

рые посящает Жыцень, и въ которыхъ находятъ неопрятность, безпорядки хозяйственные. Завидѣвши кого-нибудь изъ хозяевъ огорода, Жыцень подходитъ къ нему и грозитъ пальцемъ: это значитъ, что должно ожидать неурожая въ томъ огородѣ. Въ Бѣлоруссіи есть повѣрье, будто Жыцень является иногда въ видѣ нищаго съ обыкновеннымъ своимъ суровымъ лицомъ, грозя пальцемъ всякому встрѣчному. Явленіе это, говорятъ, всегда бываетъ предвѣстіемъ всеобщаго голода или сильнаго неурожая на слѣдующій годъ. Впрочемъ, въ этомъ видѣ Жыцень является большею частью такимъ хозяевамъ, которые бережливы и старательны по хозяйству, какъ бы изъ любви къ нимъ, для того, чтобъ предупредить ихъ объ угрожающей опасности и такимъ образомъ дать имъ средство приготовить запасъ хлѣба на голодный годъ. Наконецъ, Жыцень, по преданію Бѣлорусскому, присутствуетъ на полѣ при осеннихъ посѣвахъ, и такъ какъ осенью на поляхъ собственно сѣютъ только рожь (*жыто*), то, кажется, отъ этого богъ осени у Бѣлорусцевъ названъ *Жыценемъ*, что значитъ — топчущій рожь (*жыто*), расхаживающій по полямъ, устѣяннымъ житою, или просто расхаживающій по ржи. И дѣйствительно, Бѣлорусцы говорятъ, что Жыцень во время посѣвовъ расхаживаетъ (съ грознымъ же видомъ) по посѣянной ржи, и какъ бы все присматривается къ чему-то внизу, утаптываетъ всякое зерно, чтобъ лучше вошло въ землю и скорѣе оплодотворилось земляными соками. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, Жыцень расхаживаетъ по нивамъ хозяевъ старательныхъ и трудолюбивыхъ, которые съ

охотою, по доброй своей волѣ, а не по наказу (по приказанію) занимаются хлѣбопашествомъ. Жыцень преимущественно извѣстенъ въ Могилевской и Минской Губерніяхъ. Поговорки : *Жыцень хлѣба даеъ* — Жыцень послалъ урожай на хлѣбъ; *Баржджѣй на Жытня, калі въ засікъ хлѣба не прытне*—сейчасъ на Жыценья сваливаютъ бѣду, если не окажется хлѣба въ амбарѣ; *Жыцень зъ кабзой, голодъ на дворъ*—колько скоро Жыцень покажется съ сумой нишаго, ожидать голода.

XXV. Зюзя.

Зюзя, богъ зимы. *Зюзя* происходитъ отъ глагола *зозъць*, мерзнуть, колѣть отъ мороза; отсюда, *Зюзя* значитъ собственно — *мерзнуцій и морозяцій*. Вотъ какимъ представляютъ Зюзю Бѣлорусцы: онъ, говорятъ, старичокъ съ *сыдыми* (*) волосами на головѣ и такую же предлинною бородою; низенькаго роста, толстый; весь въ бѣлой теплой одеждѣ; ноги у него босы; голова ничѣмъ не покрыта; въ рукѣ носитъ желѣзную булаву. Зюзя, говорятъ Бѣлорусцы, большую часть зимы проводитъ въ лѣсѣ въ разныхъ мѣстахъ. Иногда онъ заходитъ въ деревню по разнымъ причинамъ: или для того, чтобы предупредить поселянъ о жестокой, суровой зимѣ на будущій годъ, или для того, чтобы оказать какую-нибудь помощь кому-либо; наприм. освободить отъ холода несчастное бѣдное семейство, или (какъ выражаются Бѣлорусцы) просто для того, чтобы *кутъи*

(*) Бѣлорусцы говорятъ—просто съ *блымы* волосами, какъ *сыгъ*.

паксыци (кутья покушать). Вотъ что значить это выраженіе. Въ Бѣлоруссіи есть повѣрье, будто самый сильный, жестокій морозъ бываетъ наканунѣ Новаго Года; но отъ Зюзя зависитъ причинить или не причинить вредъ этимъ морозомъ. Чтобъ какъ-нибудь умиловить Зюзя, Бѣлорусцы, наканунѣ Новаго Года, приготовляя, по принятому обыкновенію (*), *кутью*, откладываютъ часть ея въ особую тарелку (или, лучше, миску), и оставляютъ ее на ночь на особомъ столѣ: кутья остается цѣла, но общее повѣрье говоритъ, что ее съѣдаетъ Зюзя. Довольно любопытно Бѣлорусцы объясняютъ, для чего Зюзя носить булаву въ рукѣ. Говорятъ, будто Зюзя, разсердившись на людей, обыкновенно ударяетъ своею булавою въ какой-нибудь пенъ, и этимъ сильнымъ ударомъ производитъ такой переворотъ, такую ломку по всей землѣ, что земля, а иногда и дома трескаются. Случалось, говорятъ, иногда быть въ лѣсу въ это время и спрашивать: *кто эта тамъ стукуня* (стучить)? На этотъ вопросъ былъ отвѣтъ: *самъ Зюзя стукуня, людей уцуваетъ* (самъ Зюзя стучить, людей страшаетъ, собственно — обдумываетъ).

О Зюзѣ Бѣлорусцы отзываются съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ. Поговорки: *Зюзя у хѣць, а тутъ уже ни снопа на палѣць* — Зюзя (т. е. зима) у дверей (въ комнатѣ), а тутъ ужъ ни снопа (ржи) на палаткахъ (въ гумнѣ); *Зюзя стукуня* — Зюзя (морозъ) трещить, стучить; *Зюзя на дварь, куця на сталъ* — Зюзя на дворъ — кутья на столъ.

(*) *Кутья* въ это время ставится на столъ, устланномъ сѣномъ.

XXVI. *Каду́къ.*

Каду́къ, самый старшій () злой духъ. По понятію Бѣлорусцевъ, Каду́къ живетъ въ самомъ темномъ лѣсу, и притомъ въ вязкомъ болотѣ: тутъ, говорятъ они, на службѣ у него находятся всѣ злые духи меньшіе, подчиненные ему; тутъ Кадукъ чинить расправу надъ ними; отсюда онъ посылаетъ ихъ къ людямъ для совершенія разныхъ козней. Бѣда, говорятъ, если человѣку понесчастливится попасть въ это болото: гибель неизбѣжна; какая-то дурь нападаетъ на человѣка, такъ-что самъ не знаешь, куда поворотиться, куда ступить ногою: по видимому, ходишь по всѣмъ направленіямъ болота, а между тѣмъ, глядь, стоишь на одномъ и томъ же мѣстѣ. Кадукъ рѣдко самъ выходитъ изъ своего болота; онъ вѣчно занятъ безчисленными распоряженіями и расправами и выдумываніемъ козней противъ людей; онъ тогда только выходитъ изъ своего болота и отправляется къ людямъ, когда какой-нибудь подчиненный духъ не сѣмѣетъ исполнить его порученія. Бѣлорусцы вѣрятъ, будто Каду́къ питается живыми маленькими дѣтьми, которыхъ посятъ ему его подчиненные духи. Поговорки: *бада́й цябе Каду́къ узавъ* — чтобъ тебя нечистая сила взяла; *бы Каду́къ цябе замарава́въ* — пусть тебя оупутаетъ (своими сѣтями) Кадукъ. Кадукъ извѣстенъ почти во всей Бѣлоруссіи.*

(*) По выраженію Бѣлорусцевъ.

XXVII. *Кумельгáнь.*

Кумельгáнь, злой духъ въ видѣ человѣка и лошади. Бѣлорусцы представляютъ его съ человѣческимъ туловищемъ, покрытымъ лошадиною шерстью, и такими же руками и ногами; съ лошадиною головою и такими же копытами на рукахъ и ногахъ, и вѣрятъ, что онъ ходитъ иногда, какъ лошадь, на четверенькахъ, а иногда, подражая человѣку, на заднихъ ногахъ. *Кумельгáнь*, говорятъ они, какъ злой духъ, находится во враждебныхъ отношеніяхъ съ *Вазілою* (*). Назначеніе его — всегда пользоваться минутною неосмотрительностью *Вазілы*, и тутъ же, по возможности, вредить намѣреніямъ своего врага: мучить, портить, ранить лошадей, подмѣшивать въ ихъ кормъ какое-нибудь ядовитое растеніе и т. п. Еще хорошо, говорятъ, что *Кумельгáнь* слабъ; нѣто, онъ могъ бы передушить всѣхъ лошадей; къ счастью, его силы не устоятъ противъ нѣсколькихъ лошадей, и потому двѣ или три лошади могутъ смѣло вступать съ нимъ въ бой. За то *Кумельгáнь* много выигриваетъ ловкою своею увертливостью: забравшись въ хлѣвъ (разумѣется, во время отлучки *Вазілы*) ночью, онъ обыкновенно вспрыгиваетъ поочередно на каждую лошадь, отдѣленную одна отъ другой перегородками, и всячески ее давить, жметъ и корчитъ въ-три-погибели до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, лошадь выбьется изъ силъ и упадетъ за-мертво; потомъ забирается въ другое, третье стойло и т. д., и, такимъ образомъ, въ

(*) См. *Вазіла*.

продолженіе ночи, успѣваетъ замучить всѣхъ лошадей, не смотря на свое безсиліе. Хозяева Бѣлорускіе стараются подтвердить это своими наблюденіями: говорятъ, будто они сами слышали, какъ лошади иногда какъ-то дико ржутъ въ хлѣвѣ и чуть не опрокидываютъ своихъ перегородокъ; но стоить только войти въ хлѣвъ нѣсколькимъ человѣкамъ, и Кумельгана какъ не бывало. Не менѣе вреднымъ находятъ Бѣлорусцы Кумельгана и во время ночлеговъ лошадиныхъ на поляхъ. Кумельганъ, говорятъ, воспользовавшись отсутствіемъ Вазилы и безпечностью пастуховъ, отводитъ изъ табуна по одной лошади въ глубь лѣса и тамъ мучитъ ихъ такъ же, какъ и въ хлѣвѣ. Кумельганъ такъ же отводитъ (*) жеребятъ отъ кобылъ; но не мучитъ ихъ, а оставляетъ на добычу хищнымъ звѣрямъ. Причина, почему Кумельгану часто удается пробираться въ табунъ лошадиный, не будучи ни кѣмъ замѣчену, та, по словамъ Бѣлорусцевъ, что онъ совершенно похожъ на лошадь; къ тому же онъ можетъ принимать любой цвѣтъ шерсти и такимъ образомъ обманываетъ хозяевъ: принявши масть лошади какого-нибудь хозяина, онъ спокойно входитъ въ хлѣвъ, не встрѣчая со стороны хозяина никакого препятствія; иногда даже хозяинъ самъ отпираетъ ему хлѣвъ, принимая его за свою лошадь. Слово *Кумельганъ* происходитъ отъ *кумель* или *камель* — нижняя часть туловища животныхъ, заднія ноги, лапы, или отъ *кумельяницы*, становить-

(*) Т. е. какъ-то невидимо увлекаетъ за собою жеребенка, такъ-что мать и не замѣтитъ.

ся на заднія лапы. Отсюда *Кумельгáнь* значитъ — животное, которое ходитъ на заднихъ лапахъ. Поговорки : *Кумельгáнь уна́дзися* — Кумельгáнь началъ пробираться въ хлѣвъ, то есть, пошелъ падежъ на лошадей; *саба́ка слѹжиць, якъ Кумельгáнь* — собака стоитъ на заднихъ лапахъ, какъ Кумельгáнь; а *штобъ на табѳ Кумельгáнь пѣздзивъ, а не добрые людзи*—пусть на тебѳ ѣздитъ Кумельгáнь, а не добрые люди (ругательства погонщиковъ Бѣлорусскихъ, когда лошадь дурно везетъ).

XXVIII. *Лазаві́къ*.

Лазаві́къ, какой-то лѣсной богъ, живущій въ лозѣ. Бѣлорусцы представляютъ его карликомъ-старичкомъ, не больше ноготка, одноглазымъ, съ аршинною бородою, всегда посящимъ при себѣ длиннѣйшій (въ семь сажень) кнутъ. Онъ обыкновенно, говорятъ, живетъ въ лозѣ, въ маленькомъ домикѣ, окруженномъ болотомъ; домикъ этотъ безъ дверей и оконъ, только съ малымъ отверстіемъ на крышѣ, куда обыкновенно пробирается самъ *гаспада́ръ* (хозяинъ), т. е. *Лазаві́къ*; домикъ этотъ неприступенъ для людей: какъ только кто-нибудь вздумаетъ подойти къ нему, домика какъ не бывало на томъ мѣстѣ, уйдетъ дальше; человѣкъ за нимъ, — домикъ дальше отъ него. *Лазаві́къ*, говорятъ, часто расхаживаетъ по разнымъ болотамъ. Тутъ его сейчасъ узнаешь: глазокъ его сверкаетъ, какъ огонекъ (понятіе Бѣлорусцевъ о болотныхъ огонькахъ). Чтò дѣлаетъ *Лазаві́къ* своимъ кнутомъ, и для чего носить его съ собою, Бѣлорусцы сами не знаютъ. *Лазаві́къ*

извѣстенъ въ Бѣлоруссіи подъ разными другими именами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ называется *Болѣткикомъ*—живущимъ въ болотѣ, а въ другихъ—*Водовикомъ* (1)—живущимъ въ водѣ. Поговорки :

Самъ зъ нѣкаць
Барада зъ лѣкаць
А пуга зъ пугавѣмъ
Бадаі на семь сажѣнъ.

Самъ съ ноготокъ,
Борода съ локотокъ,
А кнутъ съ рукояткой
Почти на семь саженей.

XXIX .Любмѣль.

Любмѣль, кажется, богъ брака, какъ можно предполагать на основаніи слѣдующаго обряда, совершаемаго и доселѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (2) Бѣлоруссіи, въ честь *Любмѣла*. Въ день брака, наряжаютъ красиваго мальчика, лѣтъ 10 или 12-ти, въ бѣлую рубашку съ красивымъ кушакомъ, въ красные сапоги или башмаки; на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ красныхъ цвѣтовъ или красный завой на подобіе вѣнка : таковъ, по понятію Бѣлорусцевъ, *Любмѣль*. Когда свадебный поѣздъ возвратится изъ церкви, и невѣста съ женихомъ ступаютъ на порогъ дома, *Любмѣль*, въ сопровожденіи родителей молодыхъ (3), выходитъ къ нимъ на встрѣчу и подаетъ въ красномъ платкѣ деньги (мѣдныя); молодые, взявъ деньги съ платкомъ, и поклонившись *Любмѣлу* въ ноги, ведутъ его подъ руки въ комнату и сажаютъ

(1) См. Ж. М. Н. Пр. Ч. XL. Отд. II, статью о *Волостъ*.

(2) Преимущественно въ Минской и Витебской Губерніяхъ.

(3) *Молодые*, т. е. женихъ и невѣста.

съ собою на почетное мѣсто. Тутъ слѣдуютъ различные привѣтствія и поздравленія молодыхъ, за тѣмъ—угощеніе. Во время угощеній, молодые не сами берутъ подносимыя имъ кушанья, сласти, напитки и пр., а ихъ потчуетъ изъ своихъ рукъ Любмѣлъ. Послѣ угощеній, какъ водится, начинаются пляски; но, между многими свадебными плясками, особенно замѣчательна одна, которая имѣетъ отношеніе къ Любмѣлу, и которою, обыкновенно, начинаются и оканчиваются танцы. Вотъ она. Посреди комнаты, на скамейкѣ садятся молодые и между ими Любмѣлъ; вокругъ ихъ хороводъ (*) составляетъ четыре кружка, изъ которыхъ въ каждомъ по четыре человека; въ такомъ видѣ хороводъ пляшетъ вокругъ молодыхъ и Любмѣла, и поетъ слѣдующую пѣсню :

(Къ невѣстѣ) Прыгожая ты красачка
Усѣлася зъ Любмѣламъ;
Бадайже јонъ табѣ, матачка,
Давъ долю зъ твоимъ милымъ.

Любмѣлъ, Любмѣлъ;
Да Любмѣлъ жежъ, Любмѣлъ!

(Къ жениху) Прычапурывся жежъ малады
Зъ свајою јонъ маладою
Алъ Любмѣла на всѣ гады
Прасиць доли за-парою.

(*) Въ этомъ хороводѣ участвуютъ не однѣ дѣвицы, но и молодые парни.

Любмѣлъ, Любмѣлъ!
Да Любмѣлъ жежъ, Любмѣлъ!

(Къ Любмелу) Да лайжежъ нмъ счастье—долю,
Любмѣлъ ты нашъ, а большъ нмчій!
Кали ты ихъ пасадзівъ зъ сабою,
Не киньже ихъ, не пабрѣтуючи.

Любмѣлъ, Любмѣлъ!
Да Любмѣлъ жежъ, Любмѣлъ!

Переводъ. Прекрасная, какъ цвѣтокъ,
Ты съѣла возлѣ Любмѣла:
Пусть же онъ тебѣ, малюточка,
Дастъ счастье съ твоимъ милымъ.

Привнарядился женихъ
Внѣстѣ съ своею невѣстой;
И вотъ просятъ у Любмѣла
Счастья на будущее время —въ добрую
пору.

Дай же нмъ счастье Любмѣлъ,
Ты нашъ, а больше ни чей;
Когда ты удостоилъ ихъ посадить возлѣ себя,
То и не брось ихъ, не исполнивъ ихъ просьбы.

По окончаніи этой пляски съ пѣснею, молодые и Любмѣлъ садятся, по прежнему, на своихъ почетныхъ мѣстахъ. Наконецъ, когда молодыхъ проводятъ къ брачному ложу, Любмѣлъ снимаетъ съ жениха сапоги, а съ невѣсты башмаки, и кладетъ въ нихъ деньги. Эти деньги молодые хранятъ, какъ священ-

ный залогъ взаимной любви и счастья : если, говорятъ Бѣлорусцы, женихъ или невѣста потеряетъ *Любмѣлавы грошы* (деньги), то имъ измѣнить счастье. Бѣлорусцы равно дорожатъ и тѣми деньгами, съ которыми Любмѣль встрѣчаетъ молодыхъ при входѣ ихъ изъ церкви въ родительской домъ. Поговорки: *Любмѣлавы грошы губивъ* — Любмѣловы деньги потерялъ, т. е. счастье измѣнило (извѣстному семейству); *Любмѣль не давъ счасъця-доли* — Любмѣль не далъ счастья; *весь на Любмѣла*, весь въ Любмѣла, т. е. хорошъ, красивъ, какъ Любмѣль.

XXX. *Ляля.*

Ляля, богиня весны. Бѣлорусцы представляютъ ее въ видѣ молоденькой, красивой, стройной, высокой дѣвушки. Празднованіе въ честь ея бываетъ наканунѣ Юрьева дня. Обыкновенно, часа въ три по полудни, на чистомъ лугу (а иногда подлѣ дома въ огородѣ) собирается хороводъ молодыхъ дѣвушекъ. Выбравши изъ среды себя подругу, которая вполнѣ выражала бы собою понятіе ихъ о Лялѣ, хороводъ Бѣлорусянокъ одѣваетъ ее въ длинный бѣлый саванъ, перевязываетъ ей шею, руки и станъ разною зеленью, а на голову кладетъ вѣнокъ изъ разныхъ весеннихъ цвѣтовъ. Въ такомъ нарядѣ сажаютъ дѣвушку—Лялю на дерновую скамью, на которой, съ одной стороны, поставленъ кувшинъ съ молокомъ, сыръ, масло, яйца, сметана и творогъ, а съ другой — хлѣбъ; у ногъ Ляли кладутъ нѣсколько вѣнковъ изъ зелени, соотвѣтственно числу дѣвицъ, составляющихъ хороводъ. Потомъ, взявшись

Литерат. Отд.

12

за руки, хороводъ дѣвушекъ пляшетъ вокругъ сидящей Ляли, и поетъ въ похвалу ей пѣсню, которую заключаетъ слѣдующею просьбою :

Дай намъ жытцу
Да пшевицу.

Дай намъ жита
И пшеницы.

Въ агародзѣ,
Съважѣцѣ

Въ огородѣ,
Съвокоцѣ

(Слѣлай)

Повны грѣды,
Ровны зрѣды.

Полными грѣды,
Гладкими покосы.

Напѣвъ этой пѣсни очень протяженъ, и потому ее поютъ очень долго, послѣ каждаго двухъ стиховъ, восклицая : Ляля, Ляля, наша Ляля ! Окончивши пляску и пѣсню, хороводъ садится у ногъ Ляли и снова поетъ :

Наша Ляля, Ляля
Насъ накормиць зусимъ,
Штобъ зъ весны на лѣта
Усѣ, што тутъ гѣта,
Гадавала завсимъ.

Ляля, Ляля,
Ой да Ляля, Ляля !

Переводъ. Наша Ляля, Ляля
Насъ накормитъ вдоволь,
Чтобъ съ весны на лѣто
Все, что здѣсь — вотъ это,
Откормило (насъ) досыта.

Ляля, Ляля,
Ай да Ляля, Ляля !

Тутъ Ляля раздаеъ всѣмъ дѣвицамъ поочередно молоко, масло, сыръ и т. д. до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ничего не останется. Послѣ этого, дѣвушки встаютъ и начинаютъ опять плясать вокругъ Ляли, припѣвая прежнюю пѣсню. Во время этой пляски и пѣсни, Ляля беретъ вѣнки и бросаетъ по одному на пляшущихъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, всѣ дѣвицы не схватятъ по вѣнку. Вѣнки эти дѣвушки хранятъ до слѣдующей весны, а нѣкоторыя, въ случаѣ замужства, и долѣе, иногда во всю жизнь, какъ нѣчто заветное, святое. По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, нѣсколько дѣвицъ, въ сопровожденіи прочихъ, берутъ Лялю подъ руки, сводятъ ее съ дерновой скамьи, и, напѣвая прежнія пѣсни, проводятъ ее домой. Саванъ и зелень, въ которые одѣта была Ляля, прячутъ до другой весны.

Ляля — на Бѣлорусскомъ нарѣчіи значитъ — миловидная дѣвушка: отъ того и имя *Ляля*, усвоенное Бѣлорусцами богинѣ весны, выражаетъ изобиліе цвѣтущаго здоровья, свѣжести, красоты. *Ляля* извѣстна во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, но подъ разными названіями. *Повторки*: *Прыбѣжая*, *якъ Ляля* — красива, какъ Ляля; *на Ляльникѣ нагуляемся* — на праздникъ въ честь Ляли повеселимся вдоволь.

XXXI. *Мáрня.*

Мáрня, какой-то духъ или привидѣніе (*). По понятію Бѣлорусцевъ, *Марня* преслѣдуетъ людей,

(*) И по производству (отъ *маравіць*) *Марня* знач. призракъ, привидѣніе, ночное явленіе.

сдѣлавшихъ какое-нибудь злодѣяніе : для этого она обыкновенно принимаетъ видъ того человѣка, котораго преслѣдуетъ, и, выставляя предъ нимъ его преступленіе, не даетъ ему нигдѣ и никогда покоя, такъ что, говорятъ, преслѣдуемый человѣкъ принужденъ бываетъ объявить о своемъ преступленіи предъ начальствомъ. Бѣлорусцы говорятъ также, будто Мѣрня преслѣдуетъ людей преступныхъ и посылъ ихъ смерти : принявъ на себя образъ умершаго преступника, она является во снѣ роднымъ его и не даетъ имъ покоя до тѣхъ поръ, пока они не откроютъ злодѣянія покойника предъ народомъ. Мѣрня извѣстна во всей Бѣлоруссіи, и, вѣроятно, преданіе объ ней сохранилось между Бѣлорусцами по наслѣдству отъ древнихъ Славянъ. Такъ думать можно на томъ основаніи, что *Мѣрня* или *Мѣра* извѣстна и между другими народами Славянскаго племени, и — что главное — въ томъ же значеніи, въ какомъ употребляютъ Бѣлорусцы. У Поляковъ болѣе всѣхъ извѣстна *Мѣра*, *Мѣрня*, и значитъ — блуждающіи духъ, призракъ, привидѣніе ; говорятъ: *Sen — Mara*, *Ran Bóg — wiara*, что значитъ: Господь — вѣра, сонъ — призракъ (поговорки). У Кельтовъ находимъ слово *Mar*, что значитъ — призракъ, иногда — смерть. Также у Карпатскихъ Славянъ въ употребленіи слѣдующее зачатіе: *Mára by tia wziata* — привидѣніе тебя возьми. Неизвѣстно, какимъ образомъ въ Оренбургскую Губернію попало созвучное слово *Марня*—*Марѣво*, *Марнѣво* ; тамъ до сихъ поръ степные призраки строеній, водъ и пр. называютъ *Марѣвомъ*, *Марнѣвомъ*. Поговорки: *Прападзі ты, бы Мѣня*—исчезни ты, какъ Марня (духъ); *Штобъ ця-*

бѣ змарнявало—чтобъ ты исчезъ (чтобъ тебя не стало); *Марня хѳдзиць, лихѳа челаваька гѳциць*—Марня расхаживаетъ предъ грѣшнымъ (дурнымъ) человекомъ и выставляетъ предъ нимъ его недобрый дѣла.

XXXII. *Мѣша*.

Мѣша, какой-то нечистый духъ. По повѣрью Бѣлорусцевъ, нечистые духи не иначе являются людямъ, какъ въ видѣ животныхъ; если же въ образѣ человека, что случается весьма рѣдко, то самого гадкаго, отвратительнаго по виду. *Мѣша* — тоже нечистый духъ въ видѣ какого-то косматаго животнаго, небольшого роста, чернаго цвѣта; онъ живетъ въ развалинахъ какого-нибудь зданія, вреда никому не дѣлаетъ, а только иногда пугаетъ проходящихъ. Это, говорятъ, злой духъ, который лишенъ Кадукомъ (*) силы вредить людямъ и осужденъ на мученія. Иногда *Мѣша* пробирается и въ жилой домъ; но здѣсь пріютомъ его бываетъ *подпѣчекъ* (яма подъ печкою для сора), гдѣ онъ и питается чѣмъ ни попало. Ночью онъ выползаетъ изъ-подъ печки и нерѣдко, сдружившись съ домашнею собакой, спитъ съ нею на полу посреди комнаты; днемъ онъ не показывается. Поселеніе *Мѣши* въ какомъ-нибудь жиломъ домѣ считается несчастіемъ. *Мѣша*—почти общеизвѣстное имя во всей Бѣлоруссіи: этимъ именемъ няньки страшатъ дѣтей. Поговорки: *Тулется за угломъ, якъ*

(*) См. слово *Кадукъ*.

Мѣша—выказывается изъ-за угла, какъ Меша; *Му-сиць*, *Мѣша прыслабрыіся*—вѣрно, Меша придружился, т. е. поселился (въ какомъ-нибу, дѣ жиломъ домѣ).

XXXIII. *Паллндра*.

Паллндра, богиня смерти, то же что у Литовцевъ (древнихъ Ятвяговъ, жителей нынѣшней Гродненской Губерніи) была *Мажанна*. Паляндра, говорятъ Бѣлорусцы, находится въ враждебныхъ отношеніяхъ съ людьми, и потому рада бываетъ, если люди чаще умираютъ: она тотчасъ, въ видѣ безобразной женщины, является въ дома умирающихъ людей и тамъ *забираетъ души*. Души эти она передаетъ *Бабѣ-ягѣ-касыцной-ногѣ*, съ которою находится въ большой дружбѣ, такъ что часто вмѣстѣ съ нею разѣзжаетъ въ одной желѣзной иготи. По повѣрью Бѣлорусцевъ, Баба-яга-костаная-нога и подчивенныя ей вѣдьмы питаются душами людей, отъ чего онѣ и дѣлаются воздушными, легкими, какъ души. Поговорки: *Бадай цябѣ Паллндра змарнявайт* — чтобъ тебя сгубила (свела со свѣта) Паляндра, чтобъ тебя не стало на свѣтѣ; *Паллндра учемѣрылася*—моръ (повальная смерть) усилился, вкоренился; *кабъ ты запаллндравася* — чтобъ тебя скорчило (чтобъ ты умеръ жалкою, мучительною смертью). Когда Бѣлорусцы говорятъ о смерти какого-нибудь добраго человѣка, то обыкновенно отплеваются и приговариваютъ: *А-кышь Паллндра, не таблѣ, а кышь!*.. т. е. прочь Паляндра, прочь, — не досталась бы тебѣ (эта душа). Замѣчательно, что точно такія

же заклѣтія (1) употребляемы были Вайделотами Ятвяжскими (Литовскими) противъ Мажанны, когда они приносили въ жертву людей богинѣ жизни *Зимь*; они вѣрили, что, во время жертвоприношеній, Мажанна, въ видѣ хищной птицы, кружилась надъ жертвенникомъ.

XXXIV. *Талака́.*

Талака́, покровительница жатвы и плодородія. Она въ большомъ уваженіи у всѣхъ Бѣлорусцевъ, и, кажется, по всей Бѣлоруссіи извѣстна подъ однимъ этимъ именемъ. Праздникъ въ честь ея бываетъ не вездѣ въ одно время: въ иныхъ мѣстахъ раньше, въ другихъ позже, смотря по тому, гдѣ когда бываетъ уборка всѣхъ посѣвовъ, а иногда только хлѣба. Празднованіе въ честь Талаки бываетъ очень торжественное, радостное, выражающее благодарность за вспомошествованіе въ счастливой, окончательной уборкѣ жатвъ. Вотъ оно. Обыкновенно, въ тотъ день (2), когда назначается окончательная уборка посѣвовъ у какого-нибудь зажиточнаго хозяина, собирается къ нему (по его приглашенію) множество жницъ (3) бесплатно пожать,

(1) Вотъ эти заклѣтія: «прочь отсюда кровененасытимая Мажанна! а-кышъ! а-кышъ! Не задувай жертвеннаго огня крыльями хищной птицы (летучей мыши); не радуйся, потому-что жертва, которую ты видишь, посвящается не тебѣ, но Зимѣ». См. Минишевскаго — *Jadziwingowia*. Ч. 1-я, стр. 209; также — Нарбута, *Dzieje Litwy*.

(2) День этотъ по-Бѣлоруски называется — *дожынки*, а иногда именемъ самой богини — *Талака́*.

(3) Въ Бѣлоруссіи живутъ всегда женщины, а не мужчины.

единственно для *Талаки* (т. е. ради праздника въ честь Талаки), какъ они выражаются. Подъ-сумерки, когда дожинають уже послѣдній *заіокъ* (маленькій участокъ), каждая изъ жницъ откладываетъ по колосу для одного общаго снопа, назначаемого въ честь Талаки. Собравши такимъ образомъ значительное число колосѣвъ, *Талачѣйки* (*) связываютъ всѣ вмѣстѣ *общій дожиночный* снопъ. Между тѣмъ, на нивѣ оставляють небольшой клочекъ посѣва: изъ этого клочка *Талачѣйки* (также всѣ вмѣстѣ) дѣлають *вѣнокъ*, вплетая въ него разные цвѣты и пахучія травы. Связавши *общій* снопъ и сдѣлавши *Талаковъ* *вѣнокъ*, хороводъ Талачеекъ бросаетъ жребій, кому придется быть Талакою. Избравши Талаку, хороводъ украшаетъ ее разными цвѣтами, даетъ въ руки (*дожиночный*) снопъ, а на голову ея надѣваетъ (*Талаковъ*) *вѣнокъ* съ длиннымъ бѣлымъ покрываломъ въ родѣ шали. Послѣ этого, хороводъ окружаетъ Талаку, и, переплетшись вокругъ нея *вѣнкомъ*, пляшетъ, припѣвая:

Добры вѣчаръ, добры вѣчаръ!
Добры вѣчаръ, Талака!
Да ухараводъжежка
Ты насъ гѣценечки вѣчеръ.

Ла вазымѣжъ адъ насъ, вазымѣ-но
Гѣты збѣжны ты снапѣкъ;

(*) Дѣвушки, принимающія участіе въ церемоніяхъ праздника Талаки; онѣ и отличаются отъ прочихъ жницъ, которыя собираются на-Талаку собственно для того, чтобы попить да поѣсть на счетъ богатаго хозяина, справляющаго дожинки.

Да надѣнь же, надѣнь-но
Эъ красками прыгаѣть вънокъ !

Эъ гѣтымъ добрымъ пойдземъ же мы
Къ пану да къ гаспадару
Принесемъ же мы яму
Счасъщечко тваѣ въ харомы.

Юнъ той нанъ—гаспадарыкъ
Справнцъ намъ дажыначки,
Выставиць пажытачки
Да эъ засѣкавъ напихалыхъ.

Переводъ. Добрый вечеръ, добрый вечеръ !
Добрый вечеръ, Талака !
Угости же ты весь хороводъ
Въ этотъ (этѣчкѣ) вечеръ.

Да возьми же, возьми-ка отъ насъ
Этотъ снопъ изъ ржи (вообще—изъ посѣва),
Да надѣнь же, надѣнь-ка
Красивый вънокъ съ цвѣтами !

Съ этимъ добромъ мы пойдемъ
Къ господину хозяину ;
Принесемъ мы ему
Твое счастье въ хоромы.

И этотъ господинъ хозяинъ
Справитъ намъ дожинки,
Угоститъ своимъ добромъ,
Котораго у него полны амбары.

Послѣ этой пѣсни, хороводъ Талачеекъ, поставивъ впереди Талаку и расположившись сряду за

нею попарно, отправляется въ такомъ церемоніальномъ порядкѣ въ домъ хозяина. Въ слѣдъ за хороводомъ Талачеекъ идутъ жницы, неучаствующія въ церемоніяхъ праздника. Въ продолженіе всей дороги до самаго дома хозяина, Талачейки поютъ слѣдующія пѣсни :

Выйди, выйди, гаспадáрыку,
Спатыкаць зъ усáкимъ збóжжемъ
Талаку; раскрый же хáтaчку
Да передъ такимъ же гóсьцемъ.

Пакланiся жъ пáньи Талацъ,
Пакланiся ей найнiжей;
Пасадзiжъ ее да на купцъ,
Што есть тóльки да найвышей.

Выйди, выйди, гаспадáвечка
Спатыкаць зъ усiми гóсьцymi
Талаку жъ—но у варóщечка;
Стань ей бóрзна, на-укобсьни.

Пакланiся жъ пáньи Талацъ,
Пакланiся жъ ты ей кáркамъ
Выставъ, выставъ ей да на сталъ
Саламáшки и зъ прысмакамъ.

Переводъ. Выйди, выйди, хозяинъ,
Встрѣчать со всякимъ добромъ
Талаку; отвори же двери (дома)
Такому гостю.

Поклонись госпожѣ Талактъ,
Поклонись ей пониже ;

Посади ее на почетномъ мѣстѣ,
На самомъ лучшемъ въ домѣ.

Выйди, выйди, хозяйюшка,
Встрѣчать Талаку
Со всѣми (прочими) гостями у воротъ;
Остановись предъ нею съ покорностью — со-
инусимсь.

Поклонись же госпожѣ Талакѣ,
Поклонись же ты ей, не жалѣя силъ;
Поставь-ка, поставь на столъ
Саламахи (1) съ лакомствомъ.

Между тѣмъ хозяинъ, у котораго уже пригото-
влена пирушка для жницъ, заслышавъ пѣсни хо-
ровода, съ семействомъ и гостями своими, собрав-
шимися у него по случаю дожинокъ, выходить
изъ хаты и останавливается у воротъ съ тѣмъ,
чтобъ встрѣтить Талаку съ хлѣбомъ-солью чѣмъ *Богъ*
послалъ. Вотъ подходитъ къ воротамъ хороводъ съ
Талакою, и доморошенная Бѣлорусская музыка встрѣ-
чаетъ гостей оглушительнымъ звономъ. Хозяинъ под-
носитъ хлѣбъ-соль Талакѣ и кланяется ей въ-поясъ.
Талака принимаетъ хлѣбъ-соль, отдаетъ въ-замѣнъ
хозяину дожиночный *снопъ* (2), и, въ сопровожде-
ніи гостей, идетъ съ хороводомъ въ домъ хозяи-

(1) *Саламаха*—очень сладкій и пріятный напитокъ, составляе-
мый для этого дня изъ водки, меду, сливъ и вишенъ.

(2) Этотъ *снопъ* хозяинъ ставитъ въ углу комнаты подъ самую
икону, гдѣ онъ стоитъ три дня; потомъ его вымолачи-
ваютъ и изъ зеренъ дѣлаютъ кашу, которою разговляются,
какъ повину.

на. Хозяинъ и хозяйка берутъ Талаку подъ руки и сажаютъ ее на *куту* (1). Возлѣ Талаки садится весь хороводъ Талачеекъ; остальные гости помѣщаются кто въ сѣняхъ, кто на дворѣ, гдѣ приготовлены столы и скамьи. Когда всѣ размѣстятся, хозяйка подноситъ Талакѣ, потомъ Талачейкамъ и наконецъ всѣмъ гостямъ по *сту́пачкѣ* (2) саламахи, пробуя изъ каждой *ступачки* сама, прежде нежели отдастъ гостѣ (3). Отвѣдавъ саламахи и перекусивъ кое-чего, хороводъ Талачеекъ привѣтствуетъ хозяевъ слѣдующими пѣснями :

Весёлы вѣчарь да настáвъ
 Для насъ тутъ у вашѣднхъ;
 Бада́й—но то то́льки не приста́въ
 Къ намъ чму́рь адъ сту́пачъ гѣтыхъ.

А всёжъ таки мы дзякуемъ
 За ваше частавáне;
 И отъ затóе же парáдуемъ
 Мы ваше працава́не.

Переводъ. Веселый вечеръ насталъ
 Для насъ тутъ у васъ;
 Только какъ бы не пристало
 Къ намъ опьяненіе отъ этого напитка.

Но все-же мы благодаримъ
 Васъ за ваше угощенье;
 И вотъ за-то потѣшимъ
 Васъ за ваши труды.

(1) *Кута* — уголъ, почетное мѣсто въ домѣ.

(2) *Ступачка*—деревянный кубочекъ.

(3) Мужчинъ здѣсь не бываетъ, кромѣ музыкантовъ.

Послѣ этого гости раздѣляется на двѣ партіи: пожилыя женщины и старухи остаются въ комнатѣ, и, засѣвши вокругъ стола, начинаютъ попойку: на этотъ разъ хозяинъ не жалѣетъ ни водки, ни закусокъ всякаго рода. Между тѣмъ хороводъ Талачеекъ вмѣстѣ съ Талакою выходитъ на дворъ, и тутъ на открытомъ воздухѣ, при звукахъ музыки, пляшетъ до-упаду. Въ пляскахъ, разумѣется, всегда въ первой партіи выступаетъ Талака, съ которою очень вѣжливо обращаются Талачейки; во время танцевъ также поютъ, но эти пѣсни не имѣютъ никакого отношенія къ Талакѣ: тутъ поютъ всякія народныя пѣсни, какія кто знаетъ. Очень интересны пляски въ честь Талаки (1), которыхъ, къ сожалѣнію, не лзя никакъ передать на словахъ по причинѣ многосложности и разнообразія безчисленныхъ фигуръ. Наплясавшись вдоволь до поздняго вечера, и порядочно проголодавшись, дѣвицы собираются въ одну группу, и, въ сопровожденіи Талаки, подходятъ къ окошку дома и поютъ (какъ-будто обращаясь къ Талакѣ):

Гаспадѣня Цяцѣра! (2).

А чы гатова вечѣра?

Калі уже гатова,

Заві, — парá да сто́ла.

(1) Одна изъ этихъ плясокъ называется, въ честь Талаки, *Талакинъ* (т. е. тап.цѣ).

(2) *Цяцѣра* не имѣетъ никакого значенія на Бѣлорусскомъ нарѣчій, и корень этого слова трудно отыскать; быть можетъ, слово *Цяцѣра* есть исковерканное собственное имя — *Церера*, богини жатвы?...

Столъ накрый абрусомъ,
Повны мѣсы зъ скѹсамъ
Ставь: да наставляй намъ
Марцыпанны зъ мясамъ.

Переводъ. Госпожа Церера!
Готовъ ли ужинъ?
Если ужъ готовъ
Зови — пора кушать.

Столъ накрой скатертью,
Поставь на немъ вкусныя блюда,
Да наставляй также еще
Разныхъ сластей и мяса.

У хозяйки, разумѣется, все уже приготовлено, и потому просьба хоровода тутъ же удовлетворяется. Столы на дворѣ наполняются лучшими кушаньями, пивомъ и легкимъ медомъ (сладкимъ); все это, разумѣется, для дѣвицъ. Между-тѣмъ, пожилыя женщины и старухи, напившись вдоволь въ комнатѣ, выходятъ также на дворъ и принимаютъ участіе въ потѣхъ молодежи: здѣсь не обходится безъ смѣшныхъ сценъ, потому что бабы бываютъ довольно хмѣльны. По окончаніи ужина, хороводъ съ Талакою подходитъ къ хозяевамъ благодарить за угощеніе поцѣлуями (1). За тѣмъ Талака снимаетъ съ головы вѣнокъ и отдаетъ его хозяину (2), по-

(1) Всѣ до одной Талачейки должны поцѣловать хозяйку.

(2) Вѣнокъ этотъ хранится цѣлый годъ, до слѣдующаго поста; тогда его вымолачиваютъ и зернами этого вѣнка засѣваютъ пашню.

крывало же остается у нея на память. Хороводъ кланяется въ это время и поетъ :

Штобъ табѣ да Талака
Урадѣла и на прышлась;
Штобъ нигдѣ ни изъ гумна
Збѣжѣ всякаго не вышлась.

Переводъ. Пусть Талака пошлетъ тебѣ
Урожай и на будущій годъ,
Такъ чтобъ никогда не выходило
Изъ твоихъ амбаровъ (въ зернахъ) добро.

Хозяинъ благодаритъ скороговоркою :

Дзякуй за тое
Просимъ на другое...

т. е. благодарю за теперешнее ваше посѣщеніе, прошу прійти и на другой годъ.

Послѣ этого гости расходятся ; но хороводъ и уходя поетъ разныя пѣсни, которыя относятся къ Талакѣ. Вотъ—напримѣръ :

А Талака жъ ты, Талака!
Да шырая жъ ты Талака;
Да нагадуйжежъ отъ узновъ
Гаспадару таму снапковъ.

Да нарадэйжъ—на ты лму
Жытца—жытца сто карабовъ;

Да штобъ зъ ягѣ тамъ хорамѣвъ
Везли добро зъ дабромъ къ шляху (1).

Переводъ. А Талака же ты, Талака!
Да щедрая ты Талака!
Пошли урожай опять
На поле хозяину этому.

Да уроди-ка ты ему
Ржи—ржи сто коробокъ (большихъ),
Такъ чтобъ изъ его дома
Вывозили добро въ городъ (продавать).

Куплеты эти очень протяжно поются, въ продолженіе всей дороги, до самого дома Талаки, куда хороводъ Талачеекъ обязанъ отвести ее.

На другой день бываетъ маленькое угощеніе у Талаки, на которое она приглашаетъ всѣхъ вчерашнихъ своихъ подругъ — Талачеекъ: тутъ особеннаго ничего не бываетъ.

XXXV. Цѣця.

Цѣця, богиня лѣта. По понятію Бѣлорусцевъ, Цѣця различается отъ Ляли (2), богини весны, тѣмъ, что первая немного старѣе второй. Цѣця—это уже не молоденькая, стройная, тоненькая дѣвушка, а дородная, пожилая, полная женщина; она, говорятъ, является лѣ-

(1) *Шляхъ*—собственно значить—столбовая, большая дорога; въ переносномъ значеніи—городъ, даже городъ торговый, промышленный, купеческій.

(2) См. слово—*Ляля*.

томъ на полѣ вся убранная въ созрѣвшіе колосы и съ зрѣлыми плодами въ рукахъ. Потому ли, что Цеця нѣкоторымъ образомъ замѣняетъ у Бѣлорусцевъ Талаку, или почему-нибудь другому, только она не пользуется въ Бѣлоруссіи большою извѣстностью. Въ честь ея никакихъ особенныхъ церемоній и пѣсенъ нѣтъ. Она извѣстна въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ Бѣлорусскихъ. Поговорки: *Бадай Цеця на-барзйлася* — какъ-будто Цеця расхрабрилась; *маракаявъ на Цецю, а трафивъ на псѣцю* — говорятъ объ обманувшемся женихѣ: метилъ на красавицу, а попалъ на безобразницу. *Псѣця* значитъ — безобразная, тощая женщина или дѣвушка.

XXXVI. Щедрецъ.

Щедрецъ, богъ пиршествъ (*). Судя по церемоніямъ, сопровождающимъ въ Бѣлоруссіи день, назначаемый для празднованія Щедрецу, можно предполагать, что эти церемоніи суть остатки древнихъ шумныхъ Генварскихъ календъ; и самый праздникъ въ честь Щедреца, называемый *Щедрецомъ*, совершается въ Бѣлоруссіи въ то самое время, когда праздновались и Генварскія календы. Щедрецъ начинаютъ праздновать въ Бѣлоруссіи наканунѣ перваго Генваря и продолжаютъ до пятого и дальше (хотя, впрочемъ, настоящій праздникъ Щедреца составляетъ главнымъ образомъ канунъ перваго Генваря—Новаго-Года); а это и составляетъ,

(*) *Щедрецъ* собственно значитъ — ничего не жалующій для веселья, любящій хорошенько попаровать.

по древнему Римскому счисленію, первыя календы мѣсяца Генваря.

Вотъ церемонія праздника Щедреца. Вечеромъ (каждый день начиная съ кануна 1-го Генварь до 5-го и далѣе) собирается большой хороводъ парней (1), которые наряжаются въ разные костюмы и даже какъ-будто маскируются: костюмировка и маскировка ихъ состоитъ въ томъ, что одни наряжаются женщинами (2) съ безчисленными, разноцвѣтными, но безобразными повязками на головѣ, груди, рукахъ и ногахъ; другіе одѣваются животными разнаго рода, нперимѣръ (особенно) верблюдомъ, козою, журавлемъ, гусемъ и т. п., подбирая для этого соотвѣтствующее верхнее платье и ходя на четверенькахъ. Между этими наряженными есть свои *вожатые*, *приплывалы*, *заплывалы*, *забиралы* (3) и *музыканты* (игральники). Но главную роль между наряженными занимаетъ тотъ, кого наряжаютъ *Щедрецомъ*. Щедрецомъ избираютъ обыкновенно дѣтину высокаго, дороднаго; его одѣваютъ въ широкій плащъ (по большой части, яркаго цвѣта), увѣшанный разными колокольчиками, цвѣтнымъ тряпьемъ и длинными тесьмами всякаго рода; на голову надѣваютъ ему родъ короны изъ блестящей бумаги, на лице — родъ маски, уродливой, съ красными щеками и носомъ; изъ-подъ короны разсыпаются или, лучше, распу-

(1) Хороводъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ *щедраванцевъ*, *щедрующихъ* — *гасцыѣй*, т. е. участвующихъ въ церемоніяхъ праздника Щедреца.

(2) Наряжающіеся женщинами подбираютъ себѣ какія-нибудь странныя названія, напр.: Мадіора, Магера, Шушура и т. п.

(3) Т. е. тѣ, которые забираютъ разные съѣстные припасы, деньги и пр. вообще все, чѣмъ гдѣ награждать за *щедросанье*.

скаются длинные волосы изъ конскаго хвоста; въ руки даютъ толстый *жезлъ*, украшенный различными цвѣтными тесьмами. Нарядивъ такимъ образомъ Щедреца, сажаютъ его на особо устроенную для этого случая тележку, освѣщенную фонарями, и увѣшанную разнымъ цвѣтнымъ тряпьемъ и бубенчиками. Телѣжкой этою управляетъ такъ-называемый *Щедренецъ* (1), наряженный великаномъ, одѣтый во все красное; ему помогаютъ везти тележку и прочіе наряженные — *щедравѣнцы*. Этотъ пестрый хороводъ, при игрѣ музыкантовъ и пѣніи (2) припѣвалъ и запѣвалъ, расхаживаетъ по улицамъ и останавливается у каждаго дома. Для соблюденія церемоніальнаго порядка (3), *вожатый* отправляется къ хозяину дома спросить позволенія *пощедравѣць* (4) у него, а хороводъ между-тѣмъ поетъ подъ окномъ.

Испросивъ позволеніе у хозяина *пощедравѣць*, вожатый ссаживаетъ съ тележки Щедреца, и, въ сопровожденіи всего хоровода, входитъ въ комнату. Хозяева кланяются въ ноги Щедрецу и сажаютъ его на почетномъ мѣстѣ. Между тѣмъ, вожатый разставляетъ наряженныхъ у дверей комнаты, такъ чтобъ можно было рассмотреть всѣхъ ихъ по-одиначкѣ. Потомъ начинается гремѣть музыка.

(1) *Щедренецъ* — тотъ, который везетъ *Щедреца*.

(2) Пѣсни эти не имѣютъ никакой особенности; тутъ главную роль играетъ музыка.

(3) Хозяева всегда съ удовольствіемъ ожидаютъ въ этотъ день *Щедреца* и заранѣе бываютъ приготовлены къ встрѣчѣ *Щедравѣнцевъ*; они выходятъ на встрѣчу Щедрецу, такъ что вожатому и не нужно входить въ домъ для испрошенія позволенія *пощедравѣць*.

(4) *Щедравѣць* — отпраздновать *Щедреца*.

На средину комнаты выходит вожатый, кланяется пану-Щедрецу, и поочередно выводит на сцену всѣхъ наряженныхъ. и каждого изъ нихъ заставляетъ выдѣлывать предъ Щедрцомъ разныя кривлянья, плясать, кувыркаться, дразнить кого-ни-попало (кромѣ Щедреца) и пр.. При каждомъ выходѣ на сцену вожатаго съ кѣмъ-нибудь изъ наряженныхъ, хороводъ прочихъ наряженныхъ поетъ подѣ музыку особыя пѣсни.

По окончаніи всѣхъ этихъ забавныхъ сценъ, вожатый кланяется Щедрецу, потомъ раскланивается на всѣ четыре стороны, и въ комнатѣ все умолкаетъ, впрочемъ, не надолго. Начинаются угощенія; хозяева потчуютъ изъ своихъ рукъ Щедреца (*) и *щедраванцевъ* разными напитками (домашняго приготовления) и кушаньями: и въ хороводѣ раздается весело-шумный говоръ, хохотъ и восклицанія. Замѣчательно, что если дѣло иногда доходить до драки, то *расправу чинить панъ-Щедрецъ*.

Въ заключеніе, хозяева дарятъ щедруюшихъ-гостей блинами, колбасами (сырыми), саломъ, сыромъ и пр.; все это укладываютъ въ свои торбы *забира-лы*. Затѣмъ хороводъ выступаетъ въ новый путь: Щедреца проводятъ къ тележкѣ подѣ-руки хозяева; за нимъ идетъ вожатый и пѣсенники, дальше забира-лы и наконецъ прочіе наряженные; музыка и пѣсни въ это время особенно не милосердо терзаютъ уши какого-нибудь проѣзжающаго, незнакомаго съ этою мелодіею, но Бѣлорусцы (разумѣется простой народъ) отъ нея въ восхищеніи. Поговорки: *На Щедреца*

(*) Щедрецъ только отвѣдываетъ всякаго кушанья и напитков.

штобъ не наперхну́цца (пьючи водку) — чтобъ какъ-нибудь не поперхнуться во время (праздника) Щедреца. Што нащедрава́яъ, тоѡе празу́ляъ, ба щедрава́нае — змарав́анае — что получилъ во время Щедреца, то прокутилъ, потому что пріобрѣтенное во время Щедрепа не бываетъ на долго — скоро пропадаетъ, выходитъ. Щедрецъ извѣстенъ во всей Бѣлоруссiи; только перемонiи самаго празднованiя въ однихъ мѣстахъ разнообразнѣе, а въ другихъ проще.

II. ДРЕВЛЯНСКІЙ.

ЛИТЕРАТУРЫЯ

ПРИБАВЛЕНІЯ

къ

ЖУРНАЛУ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

на 1852 годъ.

№ III.

СОДЕРЖАНІЕ.

Бѣлорусскія народныя поѣзья (Бордзя. Гарникъ. Жев-
жыкъ. Злыдзень. Зничка. Кликунъ. Клѣцъникъ. Кляскунъ. Коп-
па. Ладашчыкъ. Ныдзень. Павѣтныкъ. Падпечныкъ. Разама-
ра. Шатывала. Яркунъ). **И. МЕНДІСКАГО.**

БѢЛОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ.

СТАТЫ ТРЕТЬЯ (1).

XXXVII. Бордзя.

Бордзя (2), покровительница брака, или, лучше сказать, бракосочетавшихся, — т. е. новобрачных, именно мужа и жены, а не вступающих только въ бракъ, т. е. жениха и невѣсты, которымъ покровительствуетъ Любмелъ (3). Любмелъ какъ бы обязанъ устроить бракъ, и посулить жениху и невѣстѣ предъ бракомъ счастье, для чего въ Бѣлоруссіи и совершается обрядъ въ честь Любмела; но лишь-только женихъ и невѣста сдѣлаются мужемъ и женою, Любмелъ передаетъ новобрачныхъ въ распоряженіе Бордзѣ. По понятію Бѣлорусцевъ, Бордзя усердно покровительствуетъ новобрачнымъ, и ни на минуту не перестаетъ витать надъ ними (т. е. какъ бы ухаживать за ними), тѣмъ болѣе, что она знаетъ враждебныя отношенія Яркуна (4) къ себѣ и ко всѣмъ замужнимъ и

(1) Двѣ первыя статьи того же Автора, подъ всеподлинникомъ *Древлянскаго*, напечатаны въ Прибавленіяхъ къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. См. *Отдѣленіе Литературное*.

(2) *Бордзя* собственно значить — проворная, скорая; въ Верхне-Дуницкомъ нарѣчіи есть слово *borsda* — прыгунья, легкая, какъ мотылекъ (говорится о женщинахъ).

(3) См. *Любмелъ*. Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г., стр. 102.

(4) См. ниже *Яркунъ*.

женатымъ. У Бѣлорусцевъ хранится какое-то темное языческое преданіе, будто Бордзя была когда-то дружна съ Яркуномъ, но въ послѣдствіи онъ оставилъ Борддю, и до того возненавидѣлъ ее, что сталъ постоянно преслѣдовать ее и не упускалъ ни одного случая вредить ей. Но какъ Бордзѣ собственно вредить Яркунъ не можетъ, потому что (по понятію Бѣлорусцевъ) она пользуется благоволеніемъ громовержца Перуна: то всю злобу свою Яркунъ изливаетъ на покровительствуемыхъ Бордзею людей — вступающихъ въ бракъ. Посему она ведетъ постоянную борьбу съ Яркуномъ, и, чтобы болѣе успѣвать въ ней, она выпросила у Перуна въ помощь себѣ двухъ духовъ: *Гѣрника* и *Павѣтника* (5), которыхъ разсылаетъ въ разныя мѣста, для водворенія мира и дружбы между новобрачными. Бѣлоруссія богата довольно забавными преданіями касательно Бордзи. Такъ на-пр. хранится преданіе, будто Бордзя, въ ночь послѣ брачной пирушки неутомимо пляшетъ, поетъ и бѣгаетъ въ-запуски отъ радости, что успѣла, на зло Яркуну, соединить новыя два существа; что, на другой день брака, невидимо присутствуетъ за столомъ новобрачныхъ и угощаетъ ихъ; что въ ихъ кушанья, для укрѣпленія между ими дружбы, подливаетъ какія-то капли и бросаетъ разныя краски (травы). За то новобрачные, обыкновенно въ теченіе первыхъ дней послѣ брака, ставятъ для Бордзи на столъ на первомъ мѣстѣ приборъ, наполненный яствами, послѣ того ставятъ его на куту (въ углу на почетномъ мѣстѣ), на ночь. Конечно, кушанья эти или съѣстъ кошка, или выльетъ вонъ какая-нибудь суевѣрная старая женщина, а Бѣлорусцы

(5) См. также *Гѣрника* и *Павѣтника*.

крѣпко-на-крѣпко вѣрять, что это кушанье съѣла Бордзя, и тѣмъ показала свое благоволеніе (пабрацімасьць) къ ново-брачнымъ. Бѣлоруссы представляютъ Бордзю необыкновенно миловидною женщиною, хотя и не совсѣмъ молодою, всегда улыбающеюся, съ длинными свѣтлыми волосами, обнаженными руками и ногами по колѣна (6); въ одной рукѣ она держитъ какую-то вѣточку (кажется чародѣйную трость), а въ другой—травы (краски). Поговорки: *Разбѣрзлася, якъ за Бордзяю*, т. е. живетъ счастливо, богато, какъ будто ей покровительствуетъ Бордзя (говорится о женщинахъ, дурно живущихъ, или даже не живущихъ съ мужьями); *кабѣ жъ цябѣ Бордзя смыкнула*, — чтобъ тебя Бордзя оставила, лишила покровительства своего; *э!... ба не адѣ Бордзи*. Э!... потому, что не по любви (бракъ состоялся)... Вотъ еще припѣвъ о Бордзѣ, который поютъ жены Бѣлорусцевъ, во время ссоръ, или разлада съ мужьями:

Аэй-аэй-же Бѣрдзячка!
 Да гдѣжъ ты гдѣ пцѣречка,
 Куды жъ ты зацѣвѣлася,
 Чы жъ я жъ цябѣ смыкалася?
 Вярнѣсяжытка ты Бѣрдзячка!
 Недай ты Яркуну мянѣ,
 Звядзі жъ взнѡвъ красулячка
 Ты насъ, и свѣтъ же не знамѣ...
 Што ты Бѣрдзя
 Што ты хворся
 И не сестра
 И не збратнѣ
 Таму...
 Атъ-Яркуну!..

(6) Такое изображеніе Бордзи встрѣчается въ рукописныхъ Бѣлорусскихъ старожилѡвъ.

Переводъ:

Увы, улы Борлячка!
 Гдѣ же ты теперь,
 Куда ты дѣвалась?
 Развѣ я сдѣлалась недостойною твоей милости?
 Воротись же Борлячка!
 Не отдай меня на произволъ Яркуну,
 Помири, миленькая, насъ опять,
 И люди больше не обманутъ насъ!
 Что ты Бордзя,
 Что ты, хвастунья!
 Нѣтъ, ты не сестра
 И не защитница
 Того —
 Яркуна...

Бордзя извѣстна во всей Бѣлоруссiи, только подъ разными именами; подъ именемъ Бордзи извѣстна въ Минской Губернiи и частію Могилевской, Оршинскомъ и Бабиновичскомъ уѣздахъ (7).

XXXVIII. Гáрникъ.

Гáрникъ — старшій духъ-помощникъ покровительницы новобрачныхъ Бордзи. Самое слово Гáрникъ — отъ *гáрни*, хорошій, красивый — показываетъ, что Гáрникъ, по понятію Бѣлорусцевъ, добрый, благодѣтельный духъ. И дѣйствительно, Бѣлоруссы думаютъ, что Гáрникъ усердно служить Бордзѣ въ охраненіи и защищеніи ново-

(7) О Бордзѣ, какъ божествѣ Славяно-Русскомъ, упоминаетъ одинъ Польскій изыскатель древностей Славянскихъ. См. *Slawianie w ba-daniachъ росяłkowuychъ zъ historyi роwnieżeczney*, стр. 337.

брачныхъ отъ ссоры, браней и въ испосланиіи имъ разныхъ житейскихъ потребностей. Гарникъ, по мнѣнію Бѣлорусцевъ, неотлучно бываетъ при Бордѣ, какъ самый надежный и преданный ея слуга. Слово Гарникъ, нередко въ разговорѣ Бѣлорусцевъ, принимаетъ значеніе нарицательнаго имени. Гарникъ извѣстенъ почти во всей Бѣлоруссін. Поговорки: *Бадзі Гарникъ* — какъ-будто красавецъ Гарникъ (говорится о хорошенькихъ дѣтяхъ); *не зъ Гарника, не зъ Бордзи пашил у ихъ дзпци* — не хороши, не красивы у нихъ дѣти; *Гарникъ прыгарнѣся, и мужыкъ ідѣ кр еды апрагнѣся* — пріютился Гарникъ, и мужикъ не боится ссоры.

XXXIX. Жѣвжыкъ.

Жѣвжыкъ (8) — покровитель рѣкъ, или водяное божество (но не духъ, какъ на-пр. *Водавікъ* или *Лазавікъ* — см. эти слова). Жѣвжыкъ собственно значить проворный, ловкій. Бѣлоруссы представляютъ его старичкомъ толстымъ, небольшого роста, съ рыжею бородою, длинною шеєю, маленькою головою, съ длинными, но маленькими ручками, — а длинными пальцами, и тонкими ногами (9), но при всемъ томъ необыкновенно сильнымъ, живымъ и проворнымъ до чрезвычайности. Такое понятіе о Жѣвжыкѣ Бѣлоруссы составили себѣ, вѣроятно, потому, что они вѣрятъ, будто онъ живетъ всегда въ водѣ, на самой глу-

(8) Что-то похожее на Жѣвжыка есть у Литовцевъ, особенно въ Гродненской Губерніи, — даже называется созвучно — Жу́йка...

(9) Точь-въ-точь такое изображеніе случилось мнѣ видѣть на рисункѣ въ домашней библіотекѣ одного Бѣлорускаго помѣщика (въ Витебской Губерніи); при рисункѣ есть текстъ какаго-то За-луйки....

бинѣ — въ *сирѣ* (10), и необыкновенно ловко плаваетъ подъ водою и на поверхности, разгоняя впереди себя волны огромнѣйшимъ *жутломъ* (11). Подъ водою плаваетъ онъ днемъ, наблюдая за теченіемъ ея; а ночью — на поверхности воды; но его никто не можетъ видѣть: потому что онъ плаваетъ въ челнокѣ невидимкѣ (чѣвнѣ-недабачцѣ), и къ тому же закрывается жутломъ отъ глазъ людскихъ. При видѣ какой-нибудь опасности, предстоящей человѣку, на-пр. если увидить утопающаго человѣка или тонущее судно, онъ однимъ взмахомъ своего жутла спасаетъ ихъ; онъ же укрощаетъ бури и вѣтры. Такое понятіе Бѣлорусцевъ о Жевжыкѣ и приписываемыя ему свойства, должны были бы, кажется, создать въ фантазіи Бѣлорусцевъ и божество чудовищное, огромное, а между-тѣмъ Жевжыкъ является тощимъ старикомъ, правда ловкимъ и проворнымъ, но все-же нимало не похожимъ ни на Нептуна, ни на Лартона у Фракіійцевъ и Гетовъ. Такую странность фантазіи можно оправдать развѣ тѣмъ, что, по понятію Бѣлорусцевъ, всѣ длинношеи и рыжебородые необыкновенно сильны. Притомъ же Бѣлоруссы говорятъ, что божеству водному всего лучше быть небольшого роста, тощимъ, чтобъ ловче и легче управляться подъ водою. Жевжыку подчинены всѣ водяные духи, въ томъ числѣ Водавикъ и Лазавикъ. Жевжыка знаютъ почти всѣ Бѣлоруссы. Поговорки: *Якѣ Жевжыкѣ* — какой проворный, ловкій! *Бы Жевжыкѣ мырде* — словно Жевжыкъ плаваетъ; *Жевжыкѣ-ты-рудал*

(10) *Вирѣ* — собственно глубина, яма, темное мѣсто, подземелье, подводная пропасть.

(11) *Жутло* — длинный шестъ съ двумя жалыными зубцами на концѣ.

барада... ахъ Жевжыкъ — рыжая борода... Жевжыкъ — иногда значить карликъ, или даже просто — мальчишка.

XL. Злыдзень.

Злыдзень — какой-то враждебный духъ. Слово *злыдзень* собственно означаетъ — негодные, дрянные остатки, недоѣдки, въ переносномъ смыслѣ — нѣчто ядовитое, вредное. Отсюда, кажется, родилось понятіе Бѣлорусцевъ объ этомъ духѣ. Они считаютъ его какимъ-то отвергнутымъ духомъ; сначала, Злыдзень былъ въ ласцѣ (въ милости) у Перуна; но послѣ, за непокорность, громовержецъ удалилъ его отъ себя, и съ тѣхъ поръ Злыдзень, какъ отверженный, сталъ дѣлать зло людямъ, особенно малымъ дѣтямъ. Думаютъ въ Бѣлоруссіи, что всѣ ушибы, уродства и вообще несчастія, приключаются съ дѣтьми, происходятъ по злобѣ Злыдзеня. Бѣлоруссы представляютъ его въ видѣ большой змѣи съ огромною пастью и однимъ огненнымъ крыломъ во всю спину, но съ ногами и однимъ глазомъ на крылѣ. Видно, что это — извращенное и затемненное временемъ понятіе объ отпадшемъ духѣ Свѣтоносцѣ (lucifer). Злыдзень извѣстенъ во всей Бѣлоруссіи (12). Поговорки: *Злыдзень ты із'таки* — экой ты враждебный духъ — нечистая сила.

XLI. Знічка.

Знічка — охранительница кладбищъ. Знічка, по мнѣнію Бѣлорусцевъ, всегда живетъ на кладбищахъ и

(12) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ духъ извѣстенъ подъ именемъ: Гукалы, Крыдзэни и т. п.

имѣеть подѣ своимъ вѣдѣніемъ всѣхъ могильныхъ духовъ, привидѣнія и разныя страшилища; въ полночь она обыкновенно блуждаетъ по могиламъ и оплакиваетъ тѣла умершихъ, предавшіяся разрушенію; Бѣлоруссы вѣрятъ, что на кладбищахъ слышны стоны и рыданія ея. Еще болѣе плачетъ она надъ могилами недавно погребенныхъ. Зникча невидима, неуловима, какъ духъ (13), хотя иногда и является людямъ ночью. Ее представляютъ въ видѣ женщины очень малаго роста, тощей, желтоблѣдной, костлявой, съ распущенными волосами, босой, въ свѣтящемся, прозрачномъ бѣломъ саванѣ, испещренномъ яркими звѣздочками; въ правой рукѣ у нея длинный свѣтящійся прутикъ. Есть повѣрье, будто этимъ прутикомъ она очерчиваетъ себя, при встрѣчѣ съ Коушею (14), которая ненавидитъ ее и всегда враждуетъ противъ нея, за сожалѣніе къ умирающимъ людямъ. Преданіе о Зникчѣ, кажется, сохранилось въ Бѣлоруссіи по наслѣдству отъ другихъ Славянъ, — хотя оно, можетъ быть, нѣсколько передѣлано на свой национальный ладъ. Еще у Кельтовъ была какая-то богиня Знѣчча (Snetŕsa), т. е. блуждающая, какъ тѣнь (15); у Кроатовъ — Знѣчокъ (Znugăz), могильное привидѣніе (16); у Вендовъ — Знѣчча (Sniacŕta) — блуждающій по кладбищамъ духъ (17). Поговорки: *Раскислася якъ Зникча*, — рас-

(13) Что объясняетъ и самое значеніе слова *Зникча* — невидимая, неуловимая, тѣнь.

(14) См. ниже слово Коуша.

(15) Bibliotheca Slavica, studio et opera, F. Durich, Vindobonae, 1793, — 8, 1.

(16) Syllabus vocabulorum Latino-Croaticorum in usum exterorum dialectus, 8. 1.

(17) Ioakima Stulli rjecosloskie, u Dubrovníku, 1806, 9. 2.

плакалась какъ Зникча; на Зникчу наткнулася, гарькухай зрабилася — вѣрно встрѣтилася съ Зникчею, что такъ разгоревалася; Зникча — *ничка. сенки нима!* — это призракъ, тѣнь, — ничего нѣтъ; *аяка Зникча* — что за неуловимая, т. е. проворная!... Зникча извѣстна въ Могилевскоѣ Губерніи и отчасти въ Минской, именно — Борисовскомъ и Игуменскомъ уѣздахъ.

XLII. Кликунъ...

Кликъ нъ (18) — дорожный духъ, впрочемъ, не злой, хотя по виду грозный. Бѣлорусцы представляютъ его тощимъ великаномъ, въ оборванномъ балахонѣ, съ длиннѣйшими руками и такими же волосами на головѣ; въ одной рукѣ у него огромнѣйшій кнутъ изъ конскаго волоса, а въ другой — золотой рогъ. Съ этимъ-то рогомъ, говорятъ, и кнутомъ, Кликунъ разъѣзжаетъ по дорогамъ днемъ и ночью на подвластномъ ему духѣ, въ видѣ большой змѣи: днемъ, во время жаровъ, а ночью, — при свѣтѣ луны, и странно, дико визжитъ. Кликунъ, какъ и всякій духъ, невидимъ, но его можно узнать днемъ потому, что когда онъ проѣзжаетъ, то пыль вьется вихремъ и кружится очень высоко: человѣкъ долженъ остерегаться, чтобъ не переѣхать чрезъ этотъ вихрь — иначе разгнѣвить Кликуну; попробуй кто проѣхать, Кликунъ махнетъ своимъ кнутомъ, блеснетъ рогомъ, свиснетъ

(18) *Кликунъ* значить, крикунъ, громко, провозительно кричащій, визжащій, свистущій; иногда означаетъ клеветникъ; но Литовски (*klikti*) и по Кроатски (*kliotuti*) имѣетъ то же значеніе (см. Корнесловъ Русс. языка Шмидевича — слова *кликать*). Не то же ли это, что *кликунъ* во внутреннихъ Губерніяхъ Россіи.

страшно (гáркнетъ вырáзно) и какое-нибудь несчастье разразится надъ человѣкомъ. Ночью о проѣздѣ Кликуна можно узнать по запаху сѣры, которую издаетъ везущій его духъ. Бѣлорусскій Кликунъ имѣетъ большое сходство съ Русалкою Сербскою, которая также у Сербовъ называется Кликунъ (19). Шимкевичъ приводитъ въ своемъ «Корнесловѣ» глаголы Сербскіе *кликнути*, *клићи*, и говорить, что они значатъ — звать, какъ Русалка (20). Кликунъ извѣстенъ всѣмъ Бѣлоруссамъ; рѣдкое дитя даже не знаетъ о немъ (разумѣется, между простолюдинами). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Минск. Губерн.) называютъ его — *Кликъсь*. Поговорки: *Какъ цябе Кликнуть спаткавъ!* — чтобъ тебѣ Кликунъ на встрѣчу попался! *Кликнуть цябе возми* — чтобъ тебя взялъ Кликунъ; *Кликнуть ты сбредавъ!* — Клеветникъ ты! нагаль; *якъ той Кликунъ, растрепаны, невчесаны, абарваны, зъ пугай, и дыдыруе сабъ пальсу, на бору, да на великаму шляху* — *Кликунъ!*.. Настоящій кликунъ — растрепанный, непричесанный, оборванный, съ кнутомъ, и бродитъ себѣ по лѣсу, по дубравамъ да по столбовой дорогѣ — Кликунъ право такой!.. (брань очень оскорбительная у Бѣлорусцевъ). *Трасца табъ Кликуну — брезху* — лихорадка тебя возми; *Кликнуть ты* — лгунъ. Иногда суевѣрный Бѣлорусецъ, а въ особенности Бѣлорусянка, отправляясь въ дорогу, обращаются къ Кликуну съ слѣдующею просьбою:

(19) См. Српски рѣчник, истолкован Нѣмачкини Латинскимъ рѣчєма. Скупіо га и на свиємъ издао Вукъ Стефановић. У Бечу, 1818. у 8.

(20) Корнесловъ Русскаго языка, Ѳ. Шимкевича, слово *кликать*. То же значеніе имѣетъ слово *кликать* въ пѣснѣ Игорю Святославичу (Слово о Полку Игоревѣ). См. изданіе Михаила Максимовича, Гл. III, 3 (стр. 10): *Дивъ кличетъ верху древа* — *Дивъ* (т. е. водяной духъ или богъ) кричитъ на деревъ (Кіевъ, 1837 года).

Переводъ:

Выправдъзъ Кликусь
Ты мене зъ дароги
Ціомнай, гдѣль нибудъзъ
Грѣбли, бервенчуги..

Выведи Кликуничикъ
Ты меня съ дороги
Темной, куда-нибудь
Только бы не на испорченную
плотину.

Мой Кликусь
За мене небоже —
Мой Кликусь
Марны золотабоже!..

Помоги мнѣ,
Мой Кликуничикъ!
Невидимка, золотобогъ!
Мой Кликуничикъ!

XLIII. Кляцѣнникъ.

Кляцѣнникъ — охранитель кладовыхъ. По понятію Бѣлорусцевъ, каждый хозяинъ имѣетъ своего Кляцѣнника, точно такъ же, какъ и всякій хозяинъ имѣетъ Цмока-Домовика (21). Впрочемъ, различіе между Кляцѣнникомъ и Цмокомъ то, что послѣдній доставляетъ деньги своему семьянину, дѣлаетъ нивы его плодоносными, а коровъ дойными (т. е. дающими много молока), вообще смотритъ за всѣмъ его хозяйствомъ; между тѣмъ какъ Кляцѣнникъ смотритъ только собственно за кладовыми и заботится о ихъ цѣлости. Конечно, и въ кладовой можетъ находиться все то, за чемъ смотритъ Цмокъ-Домовикъ, но все-же Кляцѣнникъ заботится только о собранномъ уже и сложенномъ въ кладовыхъ. Впрочемъ, какъ видно изъ значенія самого слова *кляцѣ* — изъ котораго образовалось и Кляцѣнникъ — въ кладовыхъ не лежитъ все то, за чѣмъ смотритъ Цмокъ-Домовикъ. Въ кладовыхъ — кляцѣяхъ (кляцѣ — кладовая въ одномъ зданіи съ жилыми ком-

(21) См. слово Цмокъ.

натами) только кладутъ платье, бѣлье, холстъ, нитки, шерсть, волокна разныя, иногда же нѣкоторыя огородныя овощи, разныя сѣмена (и то иногда), также въ укладкахъ (22) деньги (23), но отнюдь не полевые сборы, на-пр. рожь, пшеницу или картофель, или же сало, говядину и проч.; для этого есть такъ-называемый *свѣрентъ* — амбаръ. Какъ бы то ни было — Кляцъникъ смотритъ только за кляцами, за кладовыми, т. е. за тѣмъ, что уже собрано въ кладовыхъ. Другое различіе между Кляцъникомъ и Цмокомъ-Домовикомъ то, что Цмокъ-Домовикъ, какъ будто изъ корысти смотритъ за добромъ своего семьянина: всякій хозяинъ долженъ своему Цмоку-Домовику ежедневно готовить по яичницѣ. Между-тѣмъ Кляцъникъ безъ всякаго вознагражденія со

(22) *Уклу'бъ* значитъ какъ бы коммодъ, или круглый шкафъ.

(23) Замѣчательно еще, что кляты у Бѣлорусцевъ по преимуществу служатъ для сохраненія находящихся тамъ въ укладахъ денегъ, разумеется денегъ лишнихъ, остающихся отъ бережливаго распоряженія ими. Были примѣры, что, по пресѣченіи цѣлаго поколѣнія семьи, вступившая во владѣніе этою клятою семья находила въ ней подъ поломъ закопанныя въ чугунномъ горшкѣ деньги. Этотъ обычай въ Бѣлоруссіи хранить деньги въ клятахъ ведетъ начало свое отъ глубокой древности. Еще у Леттовъ и Семигалловъ (нынѣшнихъ Литовцевъ) было обыкновеніе сберегать на черный день или ночь (*dargana naktis* — т. е. на бурную ночь) деньги въ клятахъ (*kletis*). Даже самое слово клять — *klétis* — рѣшительно такое же имѣетъ значеніе, какъ и у Бѣлорусцевъ, даже больше, сколько намъ нужно для подтвержденія этого тождества: именно значитъ — казнохранилище. Такое же значеніе и назначеніе имѣли въ древности и у насъ на Руси такъ-называемыя кляты. Слово *клять*, какъ видно изъ Корнесслова Шимкевича, въ старину значило казнохранилище (между прочимъ). Въ этой клятѣ хранились деньги: «Дополнокъ» — сказано въ старинной Литовскій — «взметъ 20 гривенъ у Князя изъ кляты». (См. Корнессловъ Ф. Шимкевича, стр. 101, слово *клять*).

стороны своего клиента усердно заботится о благосостоянии его кладовой. Цмока-Домовика могут разгнѣвить, не приготовивши ему ячичицы и чрезъ то лишиться его помощи; но Клѣцника ничѣмъ не удалишь отъ себя: онъ изъ одной любви къ покровительствуемому имъ бережетъ его кладовую; требуетъ только, чтобъ хозяинъ ревностно заботился объ уборкѣ своихъ поствовъ: не его вина, если у хозяина не много накоплено въ кладовой. Клѣцникъ не имѣетъ права добавлять, увеличивать количество имущества въ кладовыхъ; это значило бы войти въ предѣлы власти Цмока-Домовика. При томъ же нужно замѣтить и то, что Цмокъ-Домовикъ, по понятію Бѣлорусцевъ, духъ, и притомъ едва ли добрый духъ: потому что представляется въ видѣ змѣя (24), а Клѣцникъ — покровитель, хранитель кладовыхъ, значить добрый духъ. Бѣлорусцы очень дорожатъ покровительствомъ Клѣцника, какъ добраго и сострадательнаго духа, тѣмъ болѣе, что онъ, въ случаѣ нужды, или когда предвидѣть неурожай, является во снѣ хозяевамъ, и даетъ имъ совѣты, или же предостерегаетъ не роскошничать, не избыточествовать. Въ то время, когда является во снѣ для совѣта, или для предостереженія, Клѣцникъ бываетъ мраченъ, голова у него не покрыта, обнажена. Иначе же; въ обыкновенное время, Бѣлорусцы представляютъ Клѣцника веселымъ, улыбающимся старичкомъ, съ длинными золотистыми волосами на головѣ, съ такими же усами, и съ сѣдою, необыкновенной величины, бородою; на голо-

(24) Далѣе мы замѣтимъ, что въ видѣ змѣи и вообще въ видѣ животныхъ Бѣлорусцы представляютъ только нечистыхъ духовъ, но отнюдь не совершенно-добрыхъ. (См. слово *Мѣша*).

въ у него мужской завой (25) золотистаго цвѣта; руки — т. е. самая кисть руки Клѣцника — косматая (волоса тоже золотистые). Походка у него веселая, скорая и смѣлая. Днем онъ никогда не является. Такое понятіе Бѣлорусцевъ о Клѣцникѣ имѣетъ большое сходство съ понятіемъ Литовцевъ о божествѣ Клетивисъ (Klėtivys — отъ klėtis — клѣть, казнохранилище), кажется — кладовъ, или вообще домашнего имущества, какъ видно изъ намека Штендера (26). Нѣчто похожее на Клѣцника есть и у Богемцевъ — именно Кледстенъ (Klädstenn — отъ kladsti, klásti — находить кладъ, или класть деньги въ землю) (27) и, кажется, значить божество кладовъ, или денегъ (28). Не говоримъ уже, что подобное слово — Клѣтникъ въ такомъ же значеніи встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, впрочемъ ближайшихъ къ Бѣлоруссіи. (Не знаемъ, которому изъ этихъ двухъ краевъ болѣе туземно слово Клѣцникъ, или Клѣтникъ?) Клѣцникъ по преимуществу извѣстенъ въ Могилевской и Минской Губерніяхъ; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Минской Губерніи, именно въ Борисовскомъ и Игуменскомъ, гдѣ, такъ любя букву л, говорятъ Клѣцаникъ — (впрочемъ то же, что и Клѣцникъ). Поговорки: *На клицника паспадзвѣдзся, спазаранку разпулѣвся* — понадѣлся на Клѣцника, да и началъ заранѣе гулять; *Клѣцусь,*

(25) *Завой* мужской отличается отъ женскаго (см. Дзѣво́л) тѣмъ, что онъ показывается изъ какой-нибудь цѣтной матеріи, или холста и притомъ на-глухо, безъ концовъ, какъ бываетъ у женщинъ.

(26) Lettisches Lexicon, von G. F. Stender. Mittau, 1789, 8, 2. См. слово Klėtis.

(27) См. Корнесловъ О. Шинкевича, слово *кладъ* у.

(28) Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum, auctore Antonio Bernolak. Budae, 1823, 8. 6. См. тамъ слово *klädsti*.

Клыцусь! а въ клыци злыцусь — надѣйся на Клѣцъника, а въ кладовой пусто, т. е. само не придетъ въ кладовую, сели не положишь туда своими трудами; *барджѣтъ да Клѣцъника, калѣ трошай тѣмашака* — все равно, что Русская пословица — коли тревога, тогда до Бога... Когда нѣтъ денегъ, тогда къ Клѣцънику обращаешься съ просьбой.

XLIV. Кляскунъ.

Кляскунъ — божество луны и вмѣстѣ, кажется, лѣтнихъ забавъ и удовольствій. Кляскунъ, отъ глагола *кляскаць*, бить въ ладоши, подпрыгивая, подскакивая, шептать языкомъ отъ радости — значить, хлопающій въ ладоши отъ радости, или всегда подпрыгивающій, отсюда веселый, любящій забавы, удовольствія, веселье (29). Уже самое значеніе слова Кляскунъ показываетъ, что это за божество; видно, что это что-то похожее на Бахуса. И дѣйствительно, Бѣлоруссы представляютъ Кляскуна молодымъ, красивымъ, необыкновенной величины, статнымъ, съ длинными свѣтлыми волосами, веселымъ, разгульнымъ, и неизвѣстно почему съ мѣсяцемъ во лбу. Бѣлоруссы объясняютъ это по своему. Они говорятъ, что Кляскунъ прежде жилъ на небѣ, и подъ его вѣдѣніемъ былъ мѣсяцъ, или луна; будто онъ распоряжался тамъ какъ у себя дома, поворачивалъ луну, показывалъ ее людямъ, когда слѣдовало, пряталъ ее, освѣщалъ и развѣзжалъ въ ней по

(29) У Сербовъ есть похожее слово — *кльускаѣти*, бить ключить, подскакивать, прыгать. У Боснійцевъ — *kljjeskjaŕiti*, бурлить, пѣниться, кипѣть, отсюда шумѣть, буянить. У Поляковъ *klaskac* значить бить въ ладоши, хлопать, рукоплескать отъ радости.

небу, но всегда долженъ былъ находиться при ней неотлучно, и смотрѣть своими ясными очами прямо въ нее (30); въ случаѣ же отлучки его, по волѣ Перуна, луна потемнѣла: потому что при ней не было свѣтлаго лица Кляскуна (31). Однажды Клясунъ отлучился безъ позволенія Перуна, и долго не возвращался: онъ былъ гдѣ-то на ниру у другихъ божествъ. Перунъ разгнѣвался и столкнулъ его съ неба на землю; но на память, что онъ былъ водителемъ или хранителемъ луны, Перунъ отпечатлѣлъ на лбу его изображеніе луны (м сячка), на мѣсто же его приставилъ другаго. За то и презабавная церемонія совершается въ Бѣлоруссіи въ честь Кляскуна. Вотъ она. Лѣтомъ, но преимуществу въ мѣсяцѣ Маѣ, рѣдко впрочемъ въ Іюлѣ или позже, въ ясный день по закатѣ солнца, именно когда взойдетъ луна, хороводъ дѣвицъ и парней, выбрать стройнаго дѣтину, убрать его разными цвѣтами, наклеивъ на лобъ изъ цвѣточныхъ листьевъ что-то въ родѣ луны, приводить его въ лѣсъ, на поляну. Съ хороводомъ впереди Кляскуна, дѣвочка лѣтъ 9-ти, съ вѣнкомъ изъ зелени на головѣ, несетъ круглый пирогъ, испеченный дѣвушками, и убранный разными травами и цвѣтами, а парни, псады, несутъ разные лепешки, блины, сыръ, медъ, пиво, варенуху, хлѣбъ и молоко, все это на носилакахъ, убранныхъ зеленью. Во время всего этого хода, хороводъ поетъ разные дѣсны, впрочемъ болѣе безъ всякаго значенія въ отношеніи къ церемоніи.

(30) Бѣлорусы вѣрятъ, что въ лунѣ, когда бываетъ совершенно свѣтлое и чистое небо, стоитъ водитель или хранитель ея и прямо смотритъ на землю; отъ того-то говорятъ, на лунѣ видно морское дно и человѣческое.

(31) Какое объясненіе затмѣніи луны!....

Вотъ только одна, относящаяся къ самому Кляскуну и обряду въ честь его.

Сначала поетъ запѣвало, потомъ послѣднія слова повторяетъ весь хороводъ, хлодая къ ладоши.

Запѣвало (три дѣвушки въ три голоса):

Ясны мѣсячкѣ взошнѣтъ!
Красны Небачкѣ вказався,
Знашь вже, јбнѣ туды пришнѣтъ
Засѣщнѣтъ и заласкѣвся

Хороводъ { Клясь, клясь! Кляскунь
2 раза. { Клясь, клясь! Кляскунь!...

Запѣвало: Заласкѣи же, Ляскуноу!
Засѣщнѣтъ-же-жѣ мѣсячкѣмъ.
Дай намъ радасѣць, аганѣчѣтъ
Для гульни за тое зрѣбѣтъ.

Хороводъ { Клясь, клясь! Кляскунь!
2 раза. { Клясь, клясь! Кляскунь!

Запѣвало: Спаминѣ-тка, спаминѣ
Якъ тамъ зѣ мѣсячкѣмъ, и зѣ Перунѣмъ
Вадзвнѣ ты усяки дни
Па всямужѣтъ небу тамъ кругѣтъ!

Хороводъ { Клясь, клясь, Кляскунь!
2 раза. { Клясь, клясь, Кляскунь!...

Запѣвало еще веселѣе...

Отъ и нѣ насъ жежѣ ты цѣперъ,
Ты вже нашъ, Ляскунь ты, нашъ, нашъ!...
Мы пасѣдвнѣтъ на шѣцѣнѣ
Кляскуна, ба ты нашъ, ба ты нашъ!...

Хороводъ { Клясь, клясь, Кляскунь!
2 раза. { Клясь, клясь, Кляскунь!...

Переводъ

Лесный мѣсяцъ взошелъ,
Небо побагровѣло,
Вѣрно, онъ уже туда пришелъ,
Заскнилъ, разыгрался.

Клясь, клясь, Клясунъ!

Клясь, клясь, Клясунъ!

Занграй же, Клясунъ!
Будь лесъ какъ мѣсяцъ,
Пошли намъ радость, а мы за то
Разведемъ огонь на потѣху.

Клясь, клясь...

.....

Вспомни, вспомни,
Какъ ты тамъ всякой день
Разъѣзжалъ по всему небу кругомъ
Блѣсть съ луною и Перуномъ!

Клясь, клясь...

.....

Теперь ты явился намъ,
И уже нашъ ты Клясунъ:
Мы посадимъ тебя Клясуна на носилки,
Потому-что ты нашъ!..

Клясь, клясь...

Пришедши въ лѣсъ, на поляну, хороводъ и въ срединѣ его Клясунъ собираются толпою и назначаютъ, кто долженъ взять хлѣбъ, кто молоко, кто сыръ, кто блины и т. д. Затѣмъ, всѣ разбѣгаются, какъ бы въ рассыпную; остается на своемъ мѣстѣ только Клясунъ, и при немъ носилки. Онъ садится на носилки и начинаетъ плести въ-

нокъ изъ прежде приготовленныхъ уже для того цѣ-
товъ. Между тѣмъ, каждая дѣвушка и каждый парень,
бывшіе въ хороводѣ, приносятъ поодиначкѣ по маленькой
вязанкѣ сухихъ прутьевъ, листьевъ, вересу и т. п. и кла-
дутъ у ногъ Кляскуна. Наносивши довольно большой ко-
стѣрь, хороводъ садится вокругъ Кляскуна цѣпью на зем-
лѣ, и въ ожиданіи, пока Кляслунъ сошьетъ церемоніаль-
ный вѣнокъ, поетъ слѣдующія слова:

Отъ уже и вѣтки есъць,
Склали бурунь найвалники,
Ай чы скоро жи юнѣ самѣца
Гѣты свой вѣнокъ матыхи (31)...

Отъ и скоро, скоро у-стокъ
Мы разнѣнимъ аганчѣкъ...
2-ва } Клясь-клясь-Кляскунъ!
рава } Клясь-клясь-Кляскунокъ.
Протяжно: Клясь!
Клясь!

Переводъ:

Вотъ ужъ и вѣтки есть,
Навалили огромный костеръ,—
Скоро ль онъ сошьетъ
Свой вѣнокъ изъ матыхи.

Вотъ ужъ скоро— кстати
Мы разведемъ огонекъ...
Клясь, клясь, Кляскунъ?...
Клясь, клясь, Кляскунокъ?
Клясь!..
Клясь...

(31) Матыхи— т. е. изъ матыхи— такая трава.

Свиниши вѣнокъ, Кляскунъ встаетъ съ носилокъ, а за нимъ подымается и хороводъ. Кляскунъ подходитъ къ костру, добываетъ огня, и, зажгши одинъ прутикъ, передаетъ его той дѣвучкѣ, которая несла пироги; дѣвучка зажигаетъ костеръ. Между тѣмъ Кляскунъ садится на носилки, держа въ рукахъ вѣнокъ, а четыре парни берутъ носилки, поднимаютъ надъ зажженнымъ костромъ, и въ такомъ положеніи колеблютъ носилки на воздухъ, пока костеръ не разгорится: тогда Кляскунъ бросаетъ вѣнокъ въ огонь, припѣвая — *клясь-клясь* и хлопая въ ладоши и этимъ даетъ знать, чтобы прекратили колебаніе носилокъ; парни ставятъ носилки не много поодаль отъ огня и становятся съ четырехъ сторонъ у носилокъ; у ногъ же Кляскуна садится дѣвочка съ пирогомъ. Пока парни колеблютъ носилки надъ огнемъ, хороводъ цѣпью окружаетъ костеръ, припѣвая (сначала обыкновеннымъ голосомъ, потомъ, по мѣрѣ увеличенія пламени на кострѣ, громче и громче):

Мѣсячку, мѣсячку бѣлы!
 Кругленьки ты лъснѣньки!
 Мѣсячыкъ же ты паспѣлы (32)!
 Засвѣщикъ на крашенки (33)!

Развѣщикъ ты гѣты аганьчѣкъ
 (Не таки юнъ, якъ тамъ есть твой)
 Кляскуну на прышаміначакъ
 Якъ юнъ малъ тамъ аганьчѣкъ свой...

Дай же' радасьць дай же Кляскуну!
 Зъ нмъ и намъ же разамъ лентѣи бѣдзе,

(32) *Паспѣлы*: т. е. созрѣвшій, налившійся, полный.

(33) *Крашенка*— прутокъ съ зеленою, или стобельки съ кувшины.

Дай же яснасьць, краска (34), ты яму, —
На забаву, и на скоки въ груди.

Ой ты, мѣсячку, мѣсячку!
Ой ты ясьненьки мѣсячку!
Ой ты бѣленьки!
Нашъ паспѣленьки!...

Классь, классь — Класкунъ.
Ой классь, ба классь
Нашъ, нашъ Класкунъ!
Ой классь, ба классь!

Классь — классь!

Классь!... (хлопаютъ въ ладоши).

Переводъ:

Бѣлый мѣсяцъ, бѣлый
Кругленькій ты, ясный!
Мѣсяцъ ты полный,
Засвѣти костеръ...

Разведи ты этотъ огонекъ,
(Не такой, какъ тамъ у тебя)
Чтобъ напомнить Класкуну,
Какой былъ тамъ у него огонекъ.

Обрадуй же, обрадуй Класкуна,
Съ нимъ и намъ лучше будетъ,
Освѣти его, миленький, своимъ свѣтомъ,
На радость и потѣху ему и хороводу.

Охъ, ты мѣсяцъ, мѣсяцъ!
Охъ ты ясный мѣсяцъ!

(34) Краска, собственно значить пѣтонецъ, въ переносномъ смыслѣ — красавецъ.

Ой ты бѣленькій
Весь нагнашійся!..

Клясь, клясь, Кляскунь!
Ой, клясь,— клясь...
Кляскунь нашъ!
Ой клясь, клясь!
Клясь, клясь!
Клясь!..

За тѣмъ весь хороводъ полукружіемъ садится на другой сторонѣ разгорѣвшагося костра, противъ Кляскуна. Тогда дѣвушка подноситъ Кляскуну пирога; Кляскунь разламываетъ его пополамъ и вынимаетъ изъ середины его рюмку (ступачку — собственно маленькій деревянный кубокъ), наполненную какими-то травами. Эти травы и частичку пирога Кляскунь бросаетъ въ огонь — припѣвая: *клясь, клясь!* и хлопая въ ладоши, хоръ вторитъ: *клясь!*.. а рюмку и пирога откладываетъ въ сторону на носилкахъ. Дѣвушка кланяется и обращается къ хороводу съ словами, *клясь, клясь*, и хлопая въ ладоши. Это служитъ знакомъ, чтобы всякій съ своимъ добромъ подходилъ къ Кляскуну. Хороводъ отвѣчаетъ тѣмъ же и тогда поодиначкѣ несутъ свое добро. Подходя къ Кляскуну, говорятъ *клясь, клясь* и отдаютъ ему принесенное. Кляскунь, отвѣчая тѣмъ же *клясь* и, хлопнувъ въ ладоши, принимаетъ дары чрезъ дѣвочку и отломивъ частицу или наливъ нѣсколько въ рюмку, бросаетъ и выливаетъ въ огонь, говоря: *клясь, клясь* и хлопая въ ладоши (настоящія языческія жертвенныя возліанія!); остатки же всего приносимаго помѣщаетъ на носилкахъ. Между тѣмъ хороводъ поетъ слѣдующее:

Буде и намъ и ему
 Выпасыпѣць мѣсячку
 Не прыгнѣнимъ агнечка
 За свайгожъ-жежъ Кляскуна.
 Клясь, клясь — Кляскунь!
 Клясь, клясь мѣсячку!
 Ой, клясь, ой клясь!
 Нашъ мѣсячку
 Ой клясь, ой клясь!
 Ты нашъ Кляскунь!.. (хло-
 пая въ ладоши).

Будетъ намъ и ему
 Полному мѣсяцу!
 Не погасимъ огонька —
 Ради своего Кляскуна!..
 Клясь, клясь, Кляскунь
 Клясь... мѣсяць!
 Ой клясь...
 Нашъ мѣсяць (луна)!..
 Ой клясь...
 Ты нашъ Кляскунь!

Собравъ все отъ хоровода, Кляскунь встаетъ съ носилокъ и тушить огонь, который, впрочемъ, и безъ того уже самъ гаснетъ. За тѣмъ, хороводъ располагается вокругъ носилокъ, и Кляскунь дѣлитъ всѣмъ собранные дары, не забывая и себя. (Пирогъ же и рюмка Кляскуна хранятся на память, и каждый получаетъ по кусочку этого пирога). Тогда начинаются забавы и веселье: ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ, но отнюдь не выходятъ изъ границъ сельской скромности. Возвращаются домой еще за-свѣтло, напѣвая пѣсни, но уже безъ Кляскуна. Очень-похожее на эту церемонію можно встрѣчать въ нѣкоторыхъ Польскихъ Губерніяхъ, на-примѣръ въ Люблинской и Радомской. Даже въ Варшавской Губ. есть похожая забава; именно въ 5 или 6 верстахъ отъ Варшавы, на мызѣ Графа Потоцкаго — Вильяново, я видѣлъ что-то въ родѣ обряда Кляскунова; даже въ пѣсняхъ — тотъ же напѣвъ и припѣвъ: *klas, klas, oŭ klas, da klas.*; но только здѣсь не было того приличія: это больше попойка Европейской разгульной, буйной черни, а не невинная дѣтская забава наслѣдованная по преданію отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, какъ у Бѣлорусцевъ. Кляскунь извѣстенъ почти во всей Бѣ-

лоруссiи, но особенно въ Витебской Губернiи, и Минской — въ Игуменскомъ уѣздѣ. Поговорки: *Разкляскдся якъ Кляскунъ той* — развеселился, разыгрался, какъ Кляскунъ тотъ; *не кляскуй Кляскунъ, ба тымішака еще жьсячка* — не веселись, не играй Кляскунъ, еще не показалась луна.

XLV. Копша.

Копша — богиня мертвыхъ. Какъ видно изъ значенiя самаго слова, Копша, должно быть, какое-нибудь страшное, чуть ли не адское божество. Копша значить — задымленная, загрязненная, испачканная смолою женщина, — отсюда неряха, пегодная женщина (36). Воображенiе суевѣрной Бѣлоруссiи рисуетъ Копшу въ видѣ старухи самаго чудовищнаго, страшнаго вида. Она живетъ въ гробахъ, и особенно въ тѣхъ, гдѣ лишь только начинаютъ трупы разрушаться, тревожить ихъ, и именно трупы тѣхъ, родные которыхъ не задобрили ее, не положили въ гробъ денегъ или какого-нибудь напитка. Вотъ почему въ могилахъ понынѣ находятъ горшки съ деньгами и флажки съ густѣйшею, крѣпчайшею старою водкою (37). Тѣ, которые почему-нибудь не угодили ей, стараются задобрить Копшу въ день языческой тризны, совершающейся въ Бѣлоруссiи (38) въ видѣ поминовенiя на такъ-называемую *Радавицу* (39). День этотъ дѣйствительно приходится въ

(36) Въ Нижне-Лужецкомъ языкѣ есть слово *Korpsch* и значить дымъ, смола, деготь.

(37) Обыкновенiе эта понынѣ существуетъ въ Бѣлоруссiи. О подобномъ обыкновенiи у Негровъ упоминаетъ Г. Ковалевскiй. См. статью: «Нигриція». Отеч. Зап. 1849, Генварь.

(38) То же есть въ Малороссiи и Литвѣ.

(39) *Радавица* значить день радованiя — по тому случаю, что въ этотъ день стараются угодить Копшѣ разными приношенiями.

то самое время, когда совершается Христіанское поминовѣніе усопшихъ, именно во Вторникъ на Оминой недѣлѣ (40): вѣроятно—это остатки древней Славяно-Русской тризны, случайно слявшейся съ этимъ Христіанскимъ днемъ. Въ этотъ день, вечеромъ, собираются женщины, по преимуществу старухи, на могилы своихъ родныхъ и близкихъ съ запасомъ разныхъ лепешекъ, блиновъ, пироговъ, и проч. и раскладываютъ ихъ на могилахъ. Часть этого запаса потребляется самими же принесшими, остальное же посвящается Копшѣ для умиловленія ея. Обыкновенно прорываютъ въ изголовьи могилы яму, и туда закладываютъ приношенія Копшѣ; на мѣстѣ же ногъ пробиваютъ глубоко жолобокъ и бросаютъ въ него нѣсколько монетъ, большею частію мѣдныхъ, по числу членовъ семьи, — что сопровождается разными приговорами. Копша известна въ Могилевской и Минской Губерніяхъ; въ прочихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи существуетъ только обрядъ радавиницы, съ другими впрочемъ, ничего незначащими приговорами, или напѣвами. Поговорка: *Зъ грашыми и Копшъ дагодимъ* — деньгами задобрить и Копшу.

XLVI. Лядашчикъ.

Лядашчикъ (41) — духъ, *портящій* людей (42). По понятію Бѣлорусцевъ, существуютъ такіе злые духи, которые изъ ненависти къ людямъ портятъ ихъ. Порча эта состоитъ въ томъ, что они дѣлаютъ людей больными,

(40) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершается Радавиница въ Среду — вечеромъ.

(41) Лядашчикъ — отъ *лядашчосі*, скверный, испорченный, — тотъ, который другихъ дѣлаетъ дурными, портитъ.

(42) Портить людей — собственно значить сдѣлать ихъ больными, иногда сумасшедшими.

полусумасшедшими, лишают у ихъ сознание, превращают ихъ въ разныхъ животныхъ. Къ числу этихъ духовъ принадлежит и Лядашникъ, духъ самый враждебный въ отношеніи къ человѣку. Лядашникъ ненавидитъ женщинъ за дѣторожденіе, больше всего вредитъ имъ, и потому всѣ случающіяся съ женщинами болѣзни и припадки Бѣлоруссы приписываютъ Лядашнику. Они представляютъ его въ видѣ безобразнаго уродца, всего въ рыжихъ волосахъ, съ крыльями и однимъ глазомъ во лбу. Лядашникъ извѣстенъ во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, и даже во всей, но только не вездѣ подъ этимъ именемъ: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Минской и Могилевской Губерніи его называютъ Шэвредзь, Псѹцень. Поговорки: *зъ Лядашникомъ спазнався*, *зъ розуму спазся* — прямой безумный, будто съ Лядашникомъ свелъ дѣло; *Лядашникава воко* — глазъ Лядашника — т. е. скверный, нехорошій глазъ; *Лядашникъ перелѣцьво яму* — надъ нимъ пролетѣлъ Ляданикъ, т. е. онъ полуумный, сумасшедшій.

XLVII. Ныдзень.

Ныдзень — оборотень. Это одна изъ тѣхъ несчастныхъ жертвъ, которыми Лядашникъ дѣлаетъ людей. Ныдзень, собственно, по понятію Бѣлорусцевъ, блуждаетъ въ образѣ какого-то четвероногаго животнаго, и такъ жалко стонетъ, что слыша его невольно поразишься горькимъ положеніемъ оборотня. Особенно стоны его можно слышать въ лунную полночь. Онъ блуждаетъ вокругъ домовъ и въ особенности домовъ добрыхъ, сострадательныхъ людей; иногда въ видѣ собаки забѣгаетъ и въ самое жилье, но какъ никто его не узнаетъ, то онъ и про-

лежить гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ собаками. Ему очень хочется, говорить Бѣлорусцы, чтобъ кто-нибудь узналъ и приласкалъ его; этимъ нѣсколько утѣшился бы Ныдзень въ своемъ жалкомъ положеніи. Но кто же осмѣлится приласкать его, хотя бы кто и узналъ, что вбѣжавшая собака дѣйствительно есть оборотень — несчастный, заклятый, заколдованный человѣкъ, когда этою ласкою можно раздражить Ладащика. Появленіе мнимаго Ныдзени Бѣлорусцы считаютъ предсказаніемъ какого-либо несчастья для цѣлаго мѣстечка или деревни: по ихъ мнѣнію, изъ жалости къ людямъ, это несчастное существо хочетъ какъ бы приготовить людей къ встрѣчѣ угрожающей бѣды. Ныдзень, отъ *ныдзнь* — скучать, горевать, собственно значить горемыка, стонущій, воющій, вообще существо, находящееся въ чрезвычайно жалкомъ положеніи... Ныдзень извѣстенъ преимущественно въ Минской Губерніи, въ Слуцкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ, отчасти впрочемъ и въ Игуменскомъ. Поговорки: *Разхлестався якъ той уже Ныдзень* — расплакался, разстонался, настоящій право Ныдзень; *Ныдзень! чуць бадай хита якога не спаткнуць*, — что-то слышны стали стоны Ныдня (Ныдзня), какъ бы не случилось несчастья какого...

XLVIII. Павѣтнікъ.

Павѣтнікъ — младшій служебный духъ Бордзи. *Павѣтнікъ*, отъ слова *павѣтце*, сарай для дровъ, или мѣсто (въ Бѣлорусскихъ хуторахъ) для складки и срубки дровъ — значить живущій въ дровяномъ сараѣ. Оттуда и понятіе Бѣлорусцевъ объ обязанности Павѣтника въ отноше-

ни къ богинѣ Бордѣ. Именно, Бѣлоруссы думаютъ, что Павѣтникъ всегда живаетъ въ дровяномъ сараѣ и смотритъ за благосостояніемъ имущества хозяевъ. Старшій служебный духъ Борды, Гарникъ, часто выѣстъ съ своею богинею присутствуетъ на брачныхъ пирахъ; но Павѣтникъ, какъ младшій служебный духъ, не имѣетъ такого близкаго отношенія къ Бордѣ. Онъ дѣлаетъ только то, что ему поручаетъ Гарникъ. По понятію Бѣлорусскихъ Павѣтникъ, въ видѣ шестикрылой огромной птицы, расхаживаетъ по всѣмъ амбарахъ, сараямъ (кльцямъ) новобрачныхъ и осматриваетъ, все ли у нихъ въ хорошемъ состояніи; если найдетъ что-нибудь въ несправности — доносить Гарнику, а Гарникъ передаетъ Бордѣ. Иногда, говорятъ Бѣлоруссы, Павѣтникъ является (43) хозяевамъ въ амбарахъ и какъ бы грозить имъ; это значитъ, что хозяинъ, въ амбарѣ котораго явился Павѣтникъ въ такомъ видѣ, провинился въ чемъ-нибудь предъ Бордею, т. е. или не занимался хозяйствомъ, или же неправильно съ обидою для другаго воспользовался какимъ-нибудь добромъ. Во время этого появленія, Павѣтникъ принимаетъ образъ красиваго бѣлокурого мальчика въ рубашкѣ огненнаго цвѣта. Павѣтникъ извѣстенъ собственно въ Минской Губерніи, частію впрочемъ и въ Могилевской, особенно въ Оршанскомъ уѣздѣ. Поговорки: *Павѣтникъ прыскабрылся, въ клыцъ добра панабрылся* — помогъ, удружилъ, присмотрѣлъ за хозяйствомъ Павѣтникъ, отъ того и въ амбарахъ его все въ хорошемъ положеніи, всего много; *чуми, чуми — Павѣтникъ,* — выраженіе,

(43) Собственно ночью, или вечеромъ, вообще въ потьмахъ: вѣроятно, потому, что вечеромъ скорѣе можетъ представиться что-нибудь подобное суевѣрному Бѣлорусцу.

употребляемое Бѣлоруссами во время испуга, происшедшаго отъ внезапной пропажи какой-нибудь вещи въ домѣ, или пожара, или грабежа ночного. Что значить чужды — чужды, не понятно; по крайней мѣрѣ можно догадываться, что этимъ выражается какой-то призывъ на помощь Павѣтника!.. Какъ-будто помоги, Павѣтникъ, или избавь отъ бѣды... *Ды злжася, бы — охъ Пашт-никъ съ кльми съ охъ злжася* — какъ испугался, — словно Павѣтника увидѣлъ въ амбарѣ (въ грозномъ видѣ).

XLIX. Падпечникъ.

Падпечникъ — домовый. Бѣлоруссы представляютъ Падпечника въ видѣ безобразнаго животнаго, мохнатого, съ красною головою и огненными сверкающими глазами; вмѣсто переднихъ лапъ, у него человѣческія руки, а вмѣсто заднихъ — человѣческія ноги, только съ длинными когтями. Бѣлоруссы вѣрятъ, что Падпечникъ живетъ въ домахъ подъ печкою (44), и днемъ никогда не выходитъ оттуда; иногда только, когда никого не бываетъ дома, кромѣ дѣтей, онъ высовываетъ свою красную голову, и повертывая ея и сверкая глазами, страшится тѣмъ дѣтей, слишкомъ расшалившихся въ отсутствіи родителей; впрочемъ, онъ ничего худаго имъ не дѣлаетъ. За то, ночью, Падпечникъ не даетъ покоя людямъ дурнымъ, порочнымъ, безчестнымъ и вообще сдѣлавшимъ какое-либо преступленіе. Падпечникъ грозитъ имъ, являясь передъ ними въ ужасающихъ видахъ, выдѣлывая предъ ними разные страшные жесты, бѣгая

(44) Падпечакъ — подпечекъ, т. е. яма подъ печкою для сора, или мѣсто для складки дровъ (у простолюдиновъ).

по стѣнѣ, летая надъ ихъ головами, и своею мохнатою головою щекоча лице ихъ. Весьма похожій на Падпечника домовый есть у Сербовъ и Богемцевъ. У Сербовъ онъ называется Зпѣчникъ, что значитъ сидящій въ темномъ уголку — за печкою (45); а у Богемцевъ Рѣскап, — отъ *reska* большой камень — для постройки домовъ и лѣпки нечей; отсюда запечникъ сидящій на печкѣ, или подъ печкою (46). О Падпечникѣ, какъ о домовомъ, знаютъ почти во всей Бѣлорусси, только подъ разными названіями; подъ настоящимъ именемъ извѣстенъ онъ больше въ Минской Губерніи; но не менѣе того знаютъ объ немъ даже и въ Черниговской Губерніи, особенно въ Глуховскомъ уѣздѣ. Поговорки: *Падпечникъ налекавъ, бачна штось зпсутаваеъ* — Падпечникъ напугалъ, видно сдѣлалъ что-нибудь дурное; *кабъ табъ Падпечка* (сокращ. Падпечникъ) *прыскися* — чтобъ тебѣ пригрѣзился во снѣ Падпечникъ.

L Р а з а м а р а.

Разамара — недобрый духъ, одинъ изъ тѣхъ, которые несутъ на воздухѣ огненную ступу Бабы-Яги (47), и пользуются большою милостію этого злобнаго духа. По понятію Бѣлорусцевъ, Разамара живетъ въ облакахъ, въ видѣ какого-то шестикрылаго животнаго. Въ случаѣ же нужды явиться на землю съ Ягою, или даже одному Разамара — принимаетъ видъ молодого человѣка косматого

(45) Имясловъ или рѣчникъ личны имена разны народа Славянска, скупію Г. Пачичъ, у Будиму, 1828 г. См. это слово.

(46) *Praktisches Lehrbuch der cechischen volgo böhmischen*, von F. Trnka. Brünn, 1830, 8. 1.

(47) См. въ 1-й статьѣ слово Яга-Баба-Касьцанная-Нага.

съ головы до ногъ, съ шестью крылами, огненного. Въ такомъ видѣ онъ является въ глухую полночь и въ особенности во время бурь, грозы и проливнаго дождя, и похищаетъ дѣтей. Разамара извѣстенъ во всей Бѣлоруссіи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Минской Губер.) это слово употребляется въ значеніи *замарашки*, и дѣйствительно можетъ означать нечистаго, загрязненнаго, если производить это слово отъ Виндскаго *Zmargast* — *gazmagast*, корень котораго *magoga* — значить нечистый, замаранный. Впрочемъ, корень Разамары собственно должно искать въ Бѣлорусскомъ нарѣчій. *Разамара* — по Бѣлорусски (отъ предлога *разъ* — и *мара* — привидѣніе духъ, тѣнь) значить духъ неуловимый, быстро исчезающій, — невидимка. Поговорки: *Чы не Разамара залезъ* — не Разамара ли сгубилъ (дѣтя); *Разамарабъ цябъ задушыць* — *лжы крыжса* — чтобъ тебя задушилъ Разамара! экой крикунъ! такъ пугаютъ дѣтей).

II. Шатывила.

Шатывила (48) — также служебный духъ Яги-Бабы Касцяной-Наги. Сказанное о Разамарѣ относится и къ Шатывилѣ. Замѣтимъ только, что Шатывила имѣетъ еще особенное значеніе, — именно посредника въ сношеніяхъ между Ягою и Паландрою. Шатывила извѣстенъ въ Бѣлоруссіи столько же, сколько и Разамара; кромѣ того, онъ извѣстенъ въ Малороссіи и Литвѣ. Шатывила значить постоянно передвигающійся съ мѣста на мѣсто,

(48) Здѣсь конечная буква *a* употреблена вмѣсто *o*, приблизительно къ выговору Бѣлорусскому; слѣдовало бы собственно написать — Шатывило.

перебѣгающій, быстро летающій. Поговорки: *Бачъ — якъ Шатывиламъ ляциць* — экъ какимъ бѣсомъ несется; *якъ той Шатывила не пастаиць на одному мѣсць* — какъ Шатывила, не постоитъ на одномъ мѣстѣ.

LII. Яркунъ.

Яркунъ — врагъ супружества. По понятію Бѣлорусцевъ, Яркунъ, пока былъ друженъ съ Бордзю, покровительствовалъ супружеству; послѣ, возненавидѣвъ Бордзю, покинулъ ее и на зло ей сталъ преслѣдовать супруговъ. Онѣ, говорятъ, производитъ безпорядки въ домахъ и ссорить мужей съ женами. Бѣлоруссы представляютъ Яркуна старикомъ — немалаго роста, сѣдымъ, но очень стройнымъ и ловкимъ; являясь же въ домъ новобрачныхъ, онъ принимаетъ видъ молодаго человѣка. Обыкновенно Яркунъ живетъ въ горахъ, въ великолѣпныхъ палатахъ, украшенныхъ янтареиъ и другими камнями. Яркунъ — собственно значить воркливый, ревнивый, жестокий. Нѣчто похожее на Яркуна есть у Верхне-Лужичанъ, именно *jaгикон*, означающее сильнаго, крѣпкаго (отъ слова *јага* — очень сильно). Яркунъ извѣстенъ не во всей Бѣлорусси. Поговорки: *за этага Яркуна я пайду?* — пойду ли я (за мужъ) за такого ревнивца?.. *Загрызе жонку свою — якъ той Яркунъ* — замучилъ жену свою ревностью, какъ Яркунъ. Вообще на Бѣлорусскомъ нарѣчїи слово Яркунъ значить собственно ревнивецъ.

И. ШИЛИНСКІЙ.

